

Автор – Наталья Демчик
demchikn@mail.ru
8 906 720 48 44

НАТАЛЬЯ ДЕМЧИК

САМАЯ КРАСИВАЯ

(версия пьесы «Мужской сезон» для 3 актеров)

Комедия в двух действиях

АННОТАЦИЯ

Комедия в двух действиях. Ролей – 1 жен., 2 муж.

Мужчина на один сезон – такую роль в своей женской биографии отводит зрелая актриса молодому художнику. Лора, удачливая и все еще весьма привлекательная, предлагает Арсению, не слишком преуспевающему прожигателю жизни, фиктивный любовный роман для прессы длиной в год. Однако, сделка в интимной сфере всегда чревата непредвиденными осложнениями. Продюсер и тайный поклонник Лоры слишком пристально следит за соблюдением контракта...

ОБ ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ ПЬЕСЫ:

Комедия для 2 актеров «Мужской сезон» о любви по контракту актрисы и художника была написана специально для бенефиса Л.Полищук. Спектакль по этой пьесе получил известность и в 1999 году был удостоен премии «ЧАЙКА» (реж. П.Штейн, в ролях Л.Полищук, А.Домогаров). После успеха «Мужского сезона» ряд театров обратились ко мне с просьбой написать сценическую версию этой пьесы для большего количества исполнителей. Так появились пьесы «Самая красивая» для 3 актеров и «Дама с орхидеями» для 4 актеров. В комедии «Самая красивая» «оживает» Лев Борисович, продюсер и многолетний тайный поклонник главной героини Лоры, а в «Даме с орхидеями» в интригу вмешивается дочь Лоры Маша. Таким образом, в пьесах «Мужской сезон», «Самая красивая» и «Дама с орхидеями» изложена одна и та же история для разного количества исполнителей – для 2, 3 и 4 актеров.

Права театров, по заказу которых были написаны пьесы «Самая красивая» и «Дама с орхидеями», не эксклюзивны. Права на все пьесы принадлежат автору.

ИЗ РЕЦЕНЗИЙ:

«...Привлекает авторская ирония, если не сарказм, в апелляциях к миру шоу-бизнеса, гламура, глянца и рекламы, а также острота и колоритность диалогов, вполне ожидаемая от Н.Демчик». Юрий Иванчич, критик.

«...Она была актрисой и даже за кулисами играла роль...» - эта строчка из хита Валерия Меладзе точно характеризует Лору Разину. Внешне успешная и холеная, она наполнена внутренней усталостью от фальши, и, подобно загнанной цирковой лошади, украшенной потрепанном плюмажем, все выбегает и выбегает на опостылевший манеж, чтобы просто не выйти в тираж. Что же мы увидели – очередную байку о гламурной жизни или человеческую драму?» Марина Гусарова, критик.

«...Почудившиеся было вначале намеки на некоторых персонажей отечественного шоу-бизнеса благополучно забываются, и откровенная комедия вдруг сменяется лирикой». Т.Журчева, критик

«...Я поймала себя на том, что поверила в возможность хеппи-энда, в невероятную любовь стареющей женщины и еще совсем молодого мужчины. Конечно, помимо мастерства и обаяния самой бенефициантки, немалая заслуга в этом ее партнера Виктора Шадрина». Т.Журчева, критик.

«...Сцены похмельной истерии сменяются деловыми переговорами между звездой и авангардистом, скандальными откровениями, репликами Чеховских и несыгранных героинь. В результате достигнутых договоренностей с продюсерами им удаётся прожить в оплаченном для шоу доме пять месяцев. Они старательно изображают любовь, поднимая рейтинг актрисы и продажу картин молодого дарования. Но история начинает разваливаться из-за вмешательства чувств мужчины к женщине. Даже несмотря на отсутствие интима в столь близких отношениях. В спектакле отсутствовали громоздкие декорации: всё минимально, символично и к месту. Даже душевая кабина и платяной шкаф, где герои спрятались от прослушки и камер, решая искренне личные вопросы о дальнейшей жизни. На заднике проектор высвечивал фото, тексты, видео, сопровождающие действие. Художнику-декоратору большой плюс!» О.Люлюкова, критик

«...Мужской сезон» скорее можно назвать трагикомедией, чем комедией чистой воды. Заигравшаяся актриса, говорящая словами своих несыгранных ролей – это смешно только до определенной поры. И даже фразы, которые вызывают бурный смех в зале, по сути своей трагичны. Несмотря на всю театральность и даже фальшивость Лориной жизни, ей сочувствуешь. Лора нравится – своим сарказмом, самоиронией, осознанием пустоты жизни и своего одиночества. Автор пьесы «Мужской сезон» Наталья Демчик выписала ее с большей любовью, чем Сомерсет Моэм свою Джулию Ламберт. Да и бедный художник Арсений чище и лучше Тома Феннела. Фактически оба они – Лора и Арсений – заложники: обстоятельств, своего тщеславия, недолюбленности».
М.Николина, критик

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛОРА – благополучная зрелая актриса.

АРСЕНИЙ – не слишком удачливый молодой художник.

ЛЕВ БОРИСОВИЧ ФЕМИСТОФЕЛЬ – продюсер. Как настоящий Мефистофель, он появляется, где хочет, когда хочет и в образе кого хочет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Позднее утро в холостяцкой каморке Арсения (она же мастерская). Старое кресло, небольшой шкаф с открытыми полками, столик, кушетка, ширма для переодеваний и, конечно, мольберт. Эти предметы мебели (облегченные, стилизованные) будут трансформироваться в другие интерьеры по ходу действия. По углам комнаты – кинокамера и осветительный прибор, символизирующие медийность героев. Приборы применимы и в бытовых целях, например, как вешалки для одежды. Гламурный образ жизни влюбленной пары подтверждает и задник, напоминающий обложку глянцевого журнала или эффектную афишу с силуэтами кинозвезд. Прообразом могут послужить Л. Оливье – В. Ли.

На мольберте установлена картина Арсения «Ирисы». К шкафу прикреплен постер известной киноактрисы, например, А.Джולי. Сам Арсений (в затрапезном халате) ворочается с похмелья, держась за гудящую голову. Рука нащупывает под кушеткой бутылку, и дожимаются жалкие капли. Арсений встает, среди баночек и тюбиков с краской отыскивает какой-то пузырек, нюхает взятяжку его содержимое. Еще пару глотков воды из носика алюминиевого чайника, и на Арсения снисходит желанное просветление. На столике хозяина поджидала приятная находка - завернутая в газету вяленая рыбешка. Эстетски оципывая рыбий скелет, Арсений просматривает газетные заголовки.

А Р С Е Н И Й (невнятно бубнит). ...после завершения съемок фильма «Космические изгнанники», проходивших в городе Бобылиха, сразу трое инопланетян отказались

вернуться на далекую родину к своим семьям... Восьмилетний школьник тайно проник в квартиру своей учительницы музыки и навсегда заставил замолчать ее старенький “Стейнвей”... Жительница поселка Осиновая Роща гражданка Тихонова, которая официально признана доброй вампиршей, пожаловалась, что влюблена в свою еду...О! Новое увлечение Великой Лоры... на этот раз ее избранником стал молодой художник-примитивист, известный своими динамичными хепенингами и перформансами... (Постепенно речь Арсения становится более разборчивой.) Вчера несравненная Лора Разина была замечена в ночном клубе “Лобное место” в сопровождении очередной пассии. Попал парень... Об Арсении Х. всерьез заговорили после его публичной акции по раздеванию копии статуи Свободы.. (Арсений бросает недоумевающий взгляд на фигурку голой статуи Свободы на шкафу). Так-так... по-хозяйски обнимал Лору пониже спины и, увлеченный этим занятием, оставил без внимания вопросы нашего корреспондента. Зато Лора, давняя поклонница нашей газеты, доверительно сообщила: “Нам по душе это пафосное местечко... Я решила никогда больше не оглядываться назад.” Черте что... С ума они там походили? Жулье! Писаки продажные. (Комкает газету, затем снова разворачивает и бегло перечитывает заметку). В голове не укладывается! (Бросается к телефону). Алло, мне Фомушку, пожалуйста... Фома, ты? Живой? Не помер, стервец? Ты мне вот что скажи, ты вчера ко мне спускался? До дверей довел? А до этого мы где были? Правильно, у Васьки Палеха в мастерской! Весь вечер. Нет, ты точно вспомни, куда не отлучались? Я, я куда не отлучался? Да не в уборную, а в одно место. Какое, какое? Лобное! А черт его знает, где оно. Подтвердить сможешь? Я спрашиваю, в суде сможешь подтвердить, что мы весь вечер к рюмке не притронулись? Причем здесь из горла? Ты че, выпил с утра? Что за нужда? А я вот тебе сейчас зачитаю, что за нужда. Уже читал? (Пауза). Опять, представляешь? Достали! Фома, ну ты-то мне веришь? Ты же меня до дверей, ты же меня видел, куда я мог еще двинуться? Кстати, кто мне эту паршивую газетенку вчера всучил, убей не... Ты не помнишь, у меня в руках воблы в газете не было? Ничего, я все восстановлю, все! Уж с этих я точно бабки сдеру, они мне заплатят и за клевету и за... Чего? Ну, кину я тебе тысчонку-другую, смотря, сколько отсудим...Мало? А сколько ты хочешь? Ну ты жук...Слушай, а кто она такая вообще, эта Разина? Что, правда, звезда? Ты ж знаешь, я в кино не... Нет, ты у матери своей спроси, может, напутал спьяну чего. Знает? Давно знает и очень любит? Фома, а как давно? Я спрашиваю, сколько лет она ею восторгается? (В ужасе.) С юности? Нормально... А какой-нибудь фильмец может напомнить? Точно! “Самая красивая”, помню, конечно. Грудастенькая такая, с волосами как телефонные шнуры... Другая?

Лора Разина, а это, несомненно, она, летящей походкой врывается в комнату, не дожидаясь приглашения. На ней белоснежная пуховая накидка.

Л О Р А. Миленькая конурка! Полуподвальный люкс тире пентхаус. Всего четыре с половиной ступеньки вниз, а сердце так и стучит: тук – тук, тук-тук, как в юности. (Осматривает плакат и другие детали интерьера.)

А Р С Е Н И Й (опешив). А... вы, собственно...

Л О Р А (бесцеремонно осматривает комнату).

«Да! Потому мои объятья сладки,
 Что я тебе не больше, чем сестра!
 Что ты еще не разгадал загадки!
 Твою любовь не может омрачить
 Действительность с тоскливой серой прозой,
 Я для тебя останусь только грезой,
 И я всегда явлюсь твоим глазам,
 Как будто бы с небес к тебе слетая,
 Сиянием без тени залитая,
 Как в первый раз, как в первый раз, всегда!»

Не правда ли, я похожа на добрую волшебницу? Волшебница тире снежинка! (Снимает накидку, ищет, куда можно ее пристроить в замусоренной комнате.)

А Р С Е Н И Й (в трубку). Фома, тут снегурка пришла...(Выключает связь. Запахивает потуже халат).

Л О Р А. Лора Разина.

А Р С Е Н И Й. Хохламской-Расписуев. Простите, голова разваливается. И вас угостить нечем. Давайте сразу о деле.

Л О Р А. Не беспокойтесь, у меня с собой! (Достает из объемной сумочки бутылку). Коллекционное, дожидалось своего часа... (изучает кольеретку) с того самого года, как я сыграла свою первую комическую старуху. Шучу. У вас найдётся парочка версальских бокалов?

А Р С Е Н И Й (достает из шкафа два граненых стакана). Чистый «версаль», не сомневайтесь. За “Самую красивую”.

Л О Р А (польщено). Вы запомнили?

А Р С Е Н И Й (разглядывает кольеретку). Мне было лет девять, и сцена на сеновале была для меня очень поучительна.

Л О Р А. Только не говорите, что я ни капельки не изменилась. Я изрядно похорошела! (Усаживается в кресло, и оно тут же дает сильный крен. Лора с трудом удерживает равновесие.) Вы не согласны?

А Р С Е Н И Й. Время и камень точит. (Подкладывает под кресло толстенную книгу.)

Л О Р А. В каком смысле? Кстати, после “Самой красивой” я снялась ещё в сорока восьми фильмах, вы не одного больше не припомните? А мою королеву Гертруду, мамочку принца Гамлета, тоже проглядели? Живёте в десяти минутах от театра...

А Р С Е Н И Й. Признаться, у меня с театром всё больше... беспорядочные связи... в смысле свидания. Ну, давайте со свиданьем. (Ему не терпится выпить, но гостья властно придерживает его руку.)

Л О Р А. Погодите –погодите, как можно не любить театр? (Лора, прихватив бутылку, выходит на середину комнаты.) Не понимаю. Это все равно, что не любить небо... (перекладывает бутылку из одной руки в другую, и Арсений следует за ней, как за гипнотизированный) ... звезды...(снова перекладывает бутылку)

“А я, всех женщин жальче и злосчастней,

Вкусившая от мёда лирных клятв,

Смотрю, как этот мощный ум скрежещет

(ерошит Арсению включенные волосы)

Подобно треснувшим колоколам,

Как этот облик юности цветущей растерзан бредом;

О, как сердцу снести:

Видав бывшее, видеть то, что есть!”

А Р С Е Н И Й. Однако...

Л О Р А. Это не Гертруда, это Офелия. Вам не кажется странным - играю королеву, а лучше помню монологи её несостоявшейся юной невестки?

А Р С Е Н И Й. Кажется, ой, кажется...

Л О Р А. А ведь сыграть дали всего-то два раза! (Арсений поднимает бокал, но Лора снова препятствует тосту).

«Что вижу я! В руке Ромео склянка!

Так яд принес безвременную смерть» (Роняет слезу.)

А Р С Е Н И Й. Да не убивайтесь так. Ну отравился человек, бывает... Помянем несчастного.

Л О Р А. « О жадный...»

А Р С Е Н И Й. Не жадный, а бережливый.

Л О Р А (выплескивает содержимое стакана Арсения).

« Выпил все и не оставил

Ни капли милосердной мне на помощь!

Тебя я прямо в губы поцелую.

« Быть может, яд на них еще остался-

Он мне поможет умереть блаженно».

Джюльетту я тоже не сыграла!

А Р С Е Н И Й. Послушайте, я собственно ничего не имею против театра...

Л О Р А. Я вам дам диски. Посмотрите в записи.

А Р С Е Н И Й. Все сорок восемь?

Л О Р А. За недельку осилите. (Поднимает стакан.) Ну, за успех вашего рождественского перфоманса.

А Р С Е Н И Й (быстро наполняет свой стакан, смакует напиток). Признаться, к этому Рождеству я не собирался...

Л О Р А. Не скромничайте. Лев Борисович уже видел ваши "Ирисы".

А Р С Е Н И Й. Не имел чести знаться. Да и с вами-то мы не накоротке. Если не считать вот этого. (Кивает на газету). Ну-с, как говорится в культурных домах, не будем тянуть kota за хвост. Сколько вы хотите?

Л О Р А (романтично). Ах, сколько я хочу?

А Р С Е Н И Й. Да, сколько денег вы собираетесь запросить с этих борзописцев за моральный ущерб? Вы ведь заявили с утра пораньше согласовать сумму, не так ли, несравненная...

Л О Р А. Просто Лора. Кстати, могу я называть вас Арси?

А Р С Е Н И Й. Почему нет?

Л О Р А. Так звали моего добермана, бедняжка недавно скончался от цирроза печени...

А Р С Е Н И Й (едва не захлебнувшись дорогим напитком). Лучше Арсений.

Л О Р А. Простите, Арсений, вы меня сбили. Моральный ущерб от чего?

А Р С Е Н И Й ?!

Л О Р А. Это у меня актерское, сосредотачиваюсь на деталях и забываю о чем речь...

А Р С Е Н И Й. Я имею в виду ущерб от статейки, порочащей нашу честь и достоинство!

Л О Р А. Так уж и порочащей?

А Р С Е Н И Й (хватает газету). Вот! По-хозяйски обнимал пониже спины! Вы же не станете меня уверять, что вчера были со мной в этом балагане?

Л О Р А. Надеюсь, и вы не станете меня уверять, что пониже спины у меня нечего обнять?

А Р С Е Н И Й. А знаете, моя милая, я ведь умею знакомить между собой слова, не желающие знакомиться в принципе. Вы зачем пришли? Предупреждаю, мне эти деньги нужны позарез, и я буду аккуратно ходить на все судебные заседания.

Л О Р А. Только не волнуйтесь, вы их получите. Лев Борисович уже приготовил вам аванс. Вы о сумме, невзначай, спросите о сумме...

А Р С Е Н И Й. Опять Лев Борисович? А фамилия у него есть?

Л О Р А (со значением). Фемистофель! Фамилия такая, Фемистофель.

А Р С Е Н И Й. Норвежец, что ли?

Под бравурные звуки арии «Люди гибнут за металл» Ш. Гуно - то ли в свете молний, то ли фотовспышек - появляется Фемистофель. Одет Лев Борисович в добротный деловой костюм, в руке сигара.

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Человек я занятой, поэтому коротенько и только самое главное. (Достает из кармана тетрадный листочек с записями). Читаем детективную мистику, смотрим мистические детективы. Серый – новый черный, Вырыпаев новый Тарантино, Пелевин - новый Толстой. Кто сказал Пушкин? Пушкин – новый Иванов... (подглядывает в свои записи) Петров, еще с прошлого года. Что? Помедленнее? Успевайте. Так. Спорим, осуждаем, цитируем. Для всего этого – пока Мураками. Вариант для женщин – Живанши. Помыслы - смелые. Вплоть до дерзновенных. Мысли – скромные. Вплоть до ничтожных. Сны – черно-белые в стиле фильма «Артист». Не спится? Пять капель «Амели». Женщины, внимание. Она больше не считается красивой. (Подходит к плакату с кинодивой, срывает его). Новый тип фигуры – мускатная тыква и брокколи. Что? «Песочные часы» допустимы, не путать с «песок сыплется». Так, чувства. В этом году любовь зла, как никогда. Девиз – привет, грабли! Да, снова я! Отрабатываем движение! (Хлопает себя по лбу.) Неповрежденная психика – моветон! Боимся: дверных ручек, растений в горшках, чистой бумаги и совести. Путешествуем. Круиз с элементами лотереи на лайнере «Титаник 2», бонус – бесплатное пиво и танцы на палубе третьего класса. Вариант для солидных клиентов – билет на Марс на вечное поселение. (Достает из кармана билет.) Дорого. Ван вэй тикет. Ну, и всегда в моде... (Достает из кармана большую золотую монету.) Люди по-прежнему гибнут за успех... (поправляется) за металл! (Прячет монету под ножку кресла.) Даже если это в рублях. Доброго вечера, дамы и господа! Продолжайте развлекаться, прошу вас! (Аплодирует Лоре и Арсению.)

Лев Борисович чинно удаляется. Арсений сразу рванулся к спрятанной монете.

Л О Р А (удерживает Арсения). Сидеть!

А Р С Е Н И Й. Он кто вообще?!

Л О Р А. Человек, который и поместил в газету эту заметку. Это его работа. Он - продюсер. Хороший продюсер. Его клиенты – мировые знаменитости. Ну а нам, мне и вам предлагается в течение одного года радовать публику любовным романом!

А Р С Е Н И Й (в ужасе). Целый го-о-о-о- д?!

Л О Р А. Это немного, учитывая гонорар.

А Р С Е Н И Й. Зачем? Кому это выгодно?

Л О Р А (осматривает полки серванта). Через неделю в городе не останется журналиста, равнодушного к моей последней, приправленной тонким ароматом ирисов, любви. Наши фото заполнят все журналы: я - поправляю тебе бабочку на Каннском фестивале, а ты – само блаженство, или ты - в обнимку с любимой натурщицей, а я - сама ревность... Статьи, репортажи - это же реклама, новые контракты. Как говорила фиалковоглазая Лиз Тейлор – нет лучшего дезодоранта, чем успех. (Выбрасывает дезодорант Арсения в мусорную корзину.) В Интернете ваше имя будет выскакивать рядом с Аристотелем! Соглашайтесь. Все мои знакомые просто мечтают попасть под опеку такого мастера.

А Р С Е Н И Й. Так уж и на Каннском фестивале?

Л О Р А (берет Арсения под руку, увлекает за собой). Мы возьмемся за руки и гордо войдем в священные ворота Нотр-Дам-де-Пари! Ой, это из другой роли. Мы возьмемся за руки и гордо пойдем по красной дорожке в кинодворец на набережной Круазет... Хай, Дженифер! (Приветствует коллегу.) Слышал, ее ягодички объявили о начале сольной карьеры? Хэлло, Скарлет! Все-таки, у Монро здесь (указывает на область груди) было сочнее!

А Р С Е Н И Й. А я... чем глянулся?

Л О Р А. Вам просто повезло. Красавчик-везунчик! (Лора затягивает шарф на шею Арсения, как удавку.) Во-первых, художника среди моих мужчин еще не было. Потом, ваш возраст... Вы моложе меня ровно настолько, чтобы о нашей связи говорили, но не как о физиологической загадке. У вас нет семьи. А главное... уж простите, вы не очень-то преуспели и, судя по всему, выше этого подвала не подниметесь. Нет-нет, вы талантливы, но... вам голодно, холодно и очень одиноко.

А Р С Е Н И Й. Ловко... А если я, скажем, запью? По-черному? Аванс начну спускать и... То-то фотки пойдут...

Л О Р А. Разумеется, мы это учли. Лев Борисович поместит вас в хорошую швейцарскую клинику, а я стану регулярно вас навещать. Нас запечатлеют на фоне хрустального

горного озерца. Кстати, на всех презентациях возле вас будет стоять стакан растворимого сока «Полезный». Не пробовали еще?

А Р С Е Н И Й. Один раз. Взяли для баб, запивать. Их потом сутки тошнило.

Л О Р А. Какая гадость этот сок «Полезный»! А вы потихонечку. Я вот на людях таблетки «Заменитель завтрака» глотаю.

А Р С Е Н И Й. Так вам и поесть толком нельзя?

Л О Р А. Можно, можно, ночью, в гараже.

А Р С Е Н И Й. Выходит, как ни крути, вы мне позарез нужны. А я вам вроде, как не очень... Не я, так другие найдутся... обессиленные.

Л О Р А. Зачем вы так? Я вас выбрала из пяти кандидатов.

А Р С Е Н И Й. А, я как в фильмах про злую матрицу, - избранный?!

Л О Р А. В этом году у меня намечен мужской сезон, понимаете? Пи-ар.

А Р С Е Н И Й. Но почему не заведешь себе человеческую любовь?

Лора смело присаживается Арсению на колени, берет его за подбородок.

Л О Р А. А тебя еще не тошнит он «настоящей» любви? (Пауза.) Мне лично уже наскучила схема, по которой развиваются бурные романы. Влюбляешься в симпатягу-балагура, переживаешь пять пудов разочарований и оказываешься один на один с придурковатым занудой. Ждешь поклонения - как полная идиотка, а получаешь одни придирки. И в ящике уже внушительный счет за переговоры с Кипром, где подвизается приглянувшаяся ему певичка. Талантливый обязательно попадает в полосу неудач, щедрый превратится в сквалыгу, а сексуальный гигант станет безобиднее мышонка и будет возбуждаться только от сводки погоды. А уж чего стоит разойтись... Не претендуют только на обои. Я больше не хочу боли!

А Р С Е Н И Й. А, любовь под наркозом! Боюсь, я не смогу...

Л О Р А. И не надо! Это строжайше запрещено контрактом! Мне уже не нужно, чтобы все мужчины сходили от меня с ума, но еще нужно, чтобы людям так казалось... Что ты делаешь? Отпусти!

А Р С Е Н И Й. Я вас не держу!

Лора резко встает, и ее широкое летящее платье остается в руках Арсения.

Л О Р А. Мужлан! Невежа! Да как ты смеешь! Это же многослойный труакар от Донны Каран!

А Р С Е Н И Й. Неувязочка вышла...

Л О Р А. Вижу, я ошиблась. Надо было соглашаться на литовского баскетболиста. Аванс оставьте себе. За моральный ущерб. (Достает из сумочки чек и вручает его Арсению.) Видите, я не исключала такой финал, поэтому и надела платье, из которого можно эффектно уйти.

Уверенной походкой Лора направляется к выходу, хотя на ней остался только нижний слой ее наряда - коротенькое облегающее платье, напоминающее комбинацию.

А Р С Е Н И Й (берет чек и спешит вслед за Лорой). Нет, уж позвольте! (Протягивает ей чек вместе с платьем, но, взглянув на сумму, меняет решение.) Позвольте... просить вас остаться.

Л О Р А. Ну, наконец-то! Избранный...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет Льва Борисовича. На полках шкафа – призы (один из них – Оскар), дорогой коньяк. Арсений (в рваных джинсах и молодежной майке) читает контракт, сидя в кресле. Лев Борисович - с неизменной сигарой - ставит картину на мольберт. Это «Ирисы».

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Контракт читайте внимательно. Договариваться надо на берегу.

А Р С Е Н И Й (замечает свою картину, подбегает к ней). О, мои «Ирисы»!

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Кто вам сказал? (Указывая на подпись.) Видите подпись: Ван Гог. Ранее неизвестный. Здесь он слегка подражает Гогену, но почерк мастера вполне узнаваем.

А Р С Е Н И Й (всматриваясь в подпись). Если он подписывал свои картины, то только Винсент, и никогда Ван Гог! Его работы все изучены!

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Не все. Он их, щедрая душа, десятками раздаривал кому попало. До сих пор находят неучтенку. А вы меня за один букетик удушить готовы. Вы соизмеряйте: он – кто, а вы – кто...(показывает рукой низкую высоту от пола).

Арсений берет с полки «Оскар», прикидывает его вес.

Л Е В Б О Р И С О В И Ч (примирительно). Не трогайте Оскар! Никак Ди Каприо не вручу. Не обижайтесь, милейший, так надо. Будем работать, и все у вас образуется. Если, конечно, не сопьетесь.

Лев Борисович наполняет драгметаллические рюмки коньяком, протягивает одну Арсению.

А Р С Е Н И Й (кивая на картину). И что, лохи верят, что я – Ван Гог?

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Успех любого имени зиждется на энергичной эксплуатации орды слабаков и тупиц. Нужно только правильно расставить акценты. (Берет в руки договор.) Подпись поставили?

А Р С Е Н И Й. Тут какая-то черная полоса...

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Теперь это ваша полоса: черная икра, черные бриллианты, черный Мазератти. (Вручает Арсению связку ключей.) Учиться водить. Шофер не предусмотрен.

А Р С Е Н И Й. А это?

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. «Это» тоже.

А Р С Е Н И Й. Ладно. Она мне, признаться... (Кривится.) У меня есть женщины... хорошо, женщина в общепринятом смысле этого слова. Возможно, я мог бы помимо контракта...

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Я вам отвечу в двух словах: не возможно.

А Р С Е Н И Й. Но меня ведь не спрашивали...

Л Е В Б О Р И С О В И Ч (взглянув на часы). Когда мне понадобится ваше мнение, я вам его сообщу.

А Р С Е Н И Й. Нет, подождите! Значит, с Лорой – нельзя, с другими и подавно, и как я буду обходиться без женщины целый год? Я на такие жертвы не готов!

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Что вы знаете про жертвы? Не готов... Именно за это погиб Джордано Бруно на римской площади Цветов!

А Р С Е Н И Й. Неужели?

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Да. Всплыли новые факты...

А Р С Е Н И Й. Я не подпишу.

Вздыхнув, Лев Борисович достает с полки журнал, вручает Арсению.

А Р С Е Н И Й. Что это?

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Журнал Форбс! Ищи свою фамилию в списке миллионеров!

А Р С Е Н И Й. Ее там нет...

Л Е В Б О Р И С О В И Ч (жестко). Не нашел? (Вручает Арсению ручку.) Тогда вперед!

Арсений, поколебавшись, подписывает договор.

Л Е В Б О Р И С О В И Ч (забирает подписанный договор). Все, идите, милейший, и поменьше заглядывайтесь на нашу звезду. А то, чего доброго, влюбитесь, и пошло, поехало, как у всех. А нам нужны новые штампы.

Под звуки знаменитой арии великий продюсер гордо удаляется.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Открытие недели моды в дорогом магазине. Слышен текст диктора: «Уважаемые покупатели, мы приветствуем вас на неделе моды с романтическим названием – «Мужчина и женщина». Для вас предлагаются эксклюзивная одежда, обувь и аксессуары от Джорджио Армани, Донателлы Версаче, Дольче и Габбана, Сальваторе Феррагамо, Джанфранко Ферре, Валентино и других ведущих брендов и кутюрье...» Арсений примеряет брюки за ширмой. Подходит Лора с ворохом новой одежды для примерки. Сама она одета в платье, адресованное скорее девочкам-нимфеткам, чем взрослым женщинам.

Л О Р А. Смотри, что я себе прикупила! Правда, во мне еще бездна ... пикантной грации?

А Р С Е Н И Й (выглядывая из-за ширмы). Бездна. (Рассматривает принесенную Лорой одежду.) Не пойму, в кого ты меня выряжаешь? Это что такое?

Л О Р А. Узкие нанковые порты с заплатами от Дольче и Габана. Они хоть немного удлинят ноги. Бонджорно, Доменико! (Машет рукой, приветствуя знаменитых модельеров.) Стефано, чудесный шарфик! (Показывает в область шеи.)

А Р С Е Н И Й. А почему штанины разного цвета? Они теперь шьют не вместе? А это что? Униформа шамана?

Л О Р А. Миленькая атласная распашонка от Юдашкина. И цвет явно твой – саванна в огне. Рада тебя видеть, Валя! (Улыбается другому кутюрье.)

А Р С Е Н И Й. Лора, это не пиджак!

Л О Р А. Стильный сюртук колонизатора. С трудом откопала у Версаче. Привет, Донателла! (Приветствует подругу). Я забегу потом на кофе! (Жестами показывает в сторону кафе.)

А Р С Е Н И Й. А исподнее? Можно мне трусы от Труссарди?

Л О Р А. И вот еще сафьяновые сапожки. Для сохранения эдакой заманчивой причудливости.

А Р С Е Н И Й. Хорошо, не опорки.

Арсений выходит из-за ширмы в новом одеянии. Ему явно неловко.

А Р С Е Н И Й. Ну? И кто я теперь?

Л О Р А. Манерная изопопзвезда, слегка стыдящаяся своих прошлых бесчинств. Так сейчас носят.

А Р С Е Н И Й. Да не хочу я быть этим конченным раздолбаем!

Л О Р А. Варианты уточнишь у Борисыча. (Подводит Арсения к краю сцены.) У нас тут еще одно важное дело - бурная ссора при свидетелях. Обмен пощечинами. Помни, замахваешься сильно, но бьешь по касательной. После условного сигнала. И никаких колец! Все перстеньки снимаем!

А Р С Е Н И Й (указывает на Лорины руки). Все, все снимай!

Л О Р А. Сейчас набегут журналисты. Будут острые вопросы. (Достает из сумочки листки с вопросами, один вручает Арсению.) Быстренько пройдем. Как ты относишься к тому, что твоя бывшая пишет о вас мемуары под названием «Жизнь с идиотом»?

А Р С Е Н И Й. Название мне нравится.

Л О Р А (смеется, обращая все в шутку). Правда, он у меня остроумный?

А Р С Е Н И Й (зачитывает вопрос для Лоры). А его запои? Пьяные выходки? Говорят, он разбил о твою голову подрамник!

Л О Р А. Посмотрите на него! Разве такой романтичный, возвышенный мужчина способен поднять руку на женщину? Мы совершенно счастливы, все остальное – досужие домыслы.

А Р С Е Н И Й (далее просматривает вопросы). А что бы ты ответила тем, кто называет тебя нимфоманкой?

Л О Р А. Любить – это прекрасно! (Арсению). А правда, что ты – реинкарнация Ван Гога? «Ирисы» - твои или Никаса Сафронова? Это пока обдумывай. Вот! Какова допустимая

для тебя разница в возрасте, чтобы вспыхнул роман? Насколько старше тебя может быть женщина?

А Р С Е Н И Й. А сколько тебе? Я не собираюсь докладывать журналистам, но сам я должен от чего-то отталкиваться? Я не понимаю эти твои подмигивания.

Неожиданно Лора дает Арсению неслабую пощечину. Он хватается за щеку.

Л О Р А (рассматривая перстень на своей руке, с неискренним сожалением). Забыла... Это Тиффани! Я моргала тебе! Условный сигнал!

Арсений замахивается на Лору. Она уворачивается, убегает. Арсений за ней.

Л О Р А. Помогите! Он дикий!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ночь. Спальня Лоры и Арсения. Конечно, это уже роскошные апартаменты в загородном доме Лоры, а не подвальная мастерская. Лора прилегает на кровать в соблазнительном пеньюаре, кокетливо поправляет кружевной воротник. Очевидно, что женщина хочет быть желанной для своего партнера. Входит Арсений в стильной пижаме, не спуская с Лоры глаз, присаживается на кровать. Но только он откидывает одеяло, Лора перебрасывает его подушку на противоположную сторону кровати.

Л О Р А. Валетом! Читал контракт?

Арсений послушно ложится на противоположной стороне, свет приглушается. Слышно, как во дворе кто-то рубит дрова.

А Р С Е Н И Й. Что это за стук во дворе? Ворота я закрыл...

Л О Р А (удерживает Арсения). Не волнуйся. Это мой друг, актер Стефано Каstellано. Сегодня прилетел из Рима. Я не успела вас познакомить. Ему когда грустно, он всегда рубит дрова.

А Р С Е Н И Й. Так... И почему Стефано взгрустнулось?

Л О Р А. Недавно он узнал... у его жены есть другой. Сейчас жена одумалась. Но Стефано пока не может ее простить. Это все так тяжело...

А Р С Е Н И Й. А почему он к тебе... с топором приехал?

Л О Р А. Мы вместе играли любовь!

А Р С Е Н И Й. Ну и что?

Л О Р А. Это особый вид близости. Конечно, виртуальной...

А Р С Е Н И Й. Слушай, а не виртуально у тебя когда-нибудь было? Не на сцене и не на экране?

Лора достаёт с полки увесистый альбом и с силой бросает его на кровать рядом с Арсением. (Возможно, в этот момент начинает звучать главная музыкальная тема героини. Точнее всего ее чувства выражает пронзительная мелодия из фильма «Любовное настроение» В.Карвая.)

Л О Р А. Замуж я выскочила рано. (Арсений испуган таким переходом.) Тогда была мода на физиков-ядерщиков. Взгляни, мой первый муж... добрый, покладистый. Все расхваливал свой реактор. А тот его потихонечку облучал, облучал...Я жалела его, поэтому и прожили целых восемь лет. Вернее, развелись через восемь. Помню, все спрашивал: как ты себя чувствуешь? Вроде четыре простых слова. Как. Ты. Себя. Чувствуешь. А никто больше с тех пор и не спросил.

А Р С Е Н И Й. Помер?

Л О Р А. Облысел только, и зубы новые под протезами стали расти. До сих пор на все премьеры ходит, розы дарит с записочкой – женщине с термоядерной реакцией. А вообще... мне тогда нужно было заполучить первые роли хорошеньких, невпопад хихикающих блондинок, вот так: (дурашливо смеется) ха-ха-ха-ха...Блюсти дом, ребенка, ночами шить себе туалеты, а с шести утра гладить горы белья... Хорошо, что мне уже не двадцать лет. Кстати, дочка к нему очень привязана.

А Р С Е Н И Й (разглядывая фото). Справная барышня. (Заинтересованно.) Замужем?

Л О Р А (с предостережением). Нет, она учится. В Англии. В прошлом году мы вместе отдыхали на островах, Маша загорела и выглядела такой счастливой.

А Р С Е Н И Й(сравнивая фотографии). А дочка ведь... не похожа на отца? На физика?

Лора снова дурашливо хихикает.

Л О Р А (указывает в альбом). Реальный папа!

А Р С Е Н И Й. О! Гений футбола! У него был псевдоним, сейчас я вспомню...
Чико...Пако...Рико...

Л О Р А. Эко.

А Р С Е Н И Й. Как?

Л О Р А. Альтернатива ЭКО. Трех моих подруг излечил от бесплодия.

А Р С Е Н И Й. А это кто? (Кладет руку Лоре на плечо.)

Л О Р А. Бешеный Монти.(Отстраняет руку Арсения.) Монтировщик сцены. Я стала слишком опытной для девочек в белых носочках, но недостаточно зрелой для женщин с большой грудью. Приходилось подолгу ждать своего выхода в темноте кулис. Стильные антресоли у тебя над головой смонтированы его умелыми руками.

А Р С Е Н И Й (невольно поднимает взгляд на антресоли). Да, силен парень...

Л О Р А. Хорошо, что мне уже не тридцать. (Листает альбом.)

А Р С Е Н И Й. А вот этого молодого нациста я точно где-то видел.

Л О Р А. У развилки. На плакате “Стопроцентный депозит вас приятно поразит”. Паразит как-то очень быстро увлекся моим монтировщиком, а, уходя, прихватил даже мое кружевное боди. Не знаешь, что такое боди? Если вхож в культурное общество, будь добр четыре-пять слов заучить и не путать: боди, биде, бадья, джакузи, джезва...

А Р С Е Н И Й. Но в альбомчик все-таки попал. Значит, было что-то эдакое...

Л О Р А. Экстерьер. Я его прогуливала, как дорогой плащ. А это - Эдуард Шестой. Пуаро. До сих пор появляется в самых неожиданных местах и пытается выяснить, где я была в ночь с пятого на десятое мая две тысячи какого-то года.

А Р С Е Н И Й. Лицо такое жестокое. Он тебя бил?

Л О Р А (утвердительно качает головой). Перед гастролями всегда ныл: если захочешь мне изменить, давай предварительно разведемся, а не то ты – покойница. Я давно заслуженный покойник республики. Хорошо, что мне уже не тридцать пять.

А Р С Е Н И Й. Ну, а солидные люди попадались?

Л О Р А. Конечно! Моя любовь - соло.

А Р С Е Н И Й. Соло это как? Ба, да тут их семеро!

Л О Р А. Соло – это когда любишь Мистера Икса. Полтора года я писала ему письма. Есть такой жанр – письма не для отправки. Посвящала стихи. Публично демонстрировала свое одиночество, заметно похудела. А в интервью твердила: нет, я не смею открыться, у моего избранника высокий пост, он так твердо смотрит в глаза своим врагам, так привязан к своей семье... Ко мне обратились два министра – чугунной и алюминиевой промышленности, лидер немногочисленной фракции «Мужчины России», популярный певец – кумир пропущенного поколения, и даже один генерал-майор с острова Майорка.

Все мурлыкали примерно одно и то же: узнали себя в моем описании и готовы ринуться в пучину страсти. Вот растолкуй мне, почему мужчины, когда объясняются в любви, говорят совершенно одинаковую фразу: я уже два года не живу с женой?

А Р С Е Н И Й. Потому что, год – мало, а три – подозрительно. Ну, а с настоящей любовью как? Сложилось?

Л О Р А (указывает на фото). Вот!

А Р С Е Н И Й. Здесь только зонтик. Он умер? Один зонтик на память оставил?

Л О Р А. Вокруг меня еще не так часто умирают. Это мой мужчина-зонтик. Он всегда приходит, когда на душе идет дождь. И так же тихо исчезает, когда тучи рассеиваются.

А Р С Е Н И Й(себе). На подхвате.

Л О Р А. О нем не знают ни подруги, ни мужья... (Понизив голос.) Даже Лев Борисович.

А Р С Е Н И Й. Ну, наконец-то! Слушай, а давай и мы твоему патрону рога наставим? Дела-то на пять минут...Я не в смысле, что именно пять...Нас никто сейчас не видит, я надеюсь... (Постукивает в объектив камеры.)

Л О Р А. Не видит...

А Р С Е Н И Й (приобнимая Лору). Ну?

Л О Р А (резко поднимается с кровати). У тебя просто биохимический позыв на запах. Утром я приняла ванну из лаванды. А чувств с твоей стороны - никаких. Ис-клю-че-но. Условиями контракта.

А Р С Е И Й. Не вписываюсь, значит, в картотеку?

Л О Р А (закрывает альбом, кладет на полку, мстительно). Там есть твои две страницы.

А Р С Е Н И Й. А в мемуарах и про мое жалование, и про контракт напишешь?

Л О Р А. Ни к чему. Читателей интересует только большая любовь, а не ее издержки.

А Р С Е Н И Й. И ты, значит, такими историями поддерживаешь к себе интерес. Петь-танцевать уже не можешь, как раньше...

Л О Р А. Что-о-о-о?

Лора уходит за ширму и появляется в неистовом танце под дикие ритмы сусликовой мамбы Имы Сумак. (На пеньюар она успела набросить яркий боа и юбку из страусовых перьев в стиле бразильского карнавала). Лора обвивает своим боа Арсения, пытается увлечь танцем. В какой-то момент фонограмма выключается, и Лора сама берет за пределы высокую ноту. Арсений сражен.

А Р С Е Н И Й. Б...Б...Боа...

Л О Р А. Вау, а не боа!

А Р С Е Н И Й. Точно! Вау. Вау! Вау!!!

Л О Р А. И неважно, что мне уже и не сорок.

А Р С Е Н И Й. Теперь только и заживешь.

Л О Р А. Да. Да! И пускай на лице у меня давно лифтинг, в душе я едва достигла со-вер-шен-но-ле-ти-я.

А Р С Е Н И Й. Лифт... чего?

Л О Р А. Шучу. Кстати, пометь для особо нахальных журналистов: моя грудь напоминает тебе старинные фужеры для шампанского, а ее нежной кожей я обязана молоку и сметане Вологодской области.

А Р С Е Н И Й. А если спросят тебя? (Пауза.) Ладно, гляди, по быстрому.

Стоя спиной к залу, Арсений распахивает перед Лорой халат.

Л О Р А (приглядывается). Странно...

А Р С Е Н И Й. Что странно?

Л О Р А. Я это представляла совсем по-другому.

А Р С Е Н И Й. Люди такого наговорят... (Запахивает халат.)

Лора направляется к кровати.

Л О Р А (фальшиво). Ну, на сон мы настроились...

А Р С Е Н И Й (перехватывает Лору, обнимает). Мне так не показалось.

В этот момент в комнату входит Стефано (в него перевоплотился коварный Фемистофель). Тихо присаживается на стул недалеко от кровати. Он в такой же пижаме, как и Арсений. Арсений в изумлении разжимает объятия.

А Р С Е Н И Й. Я не понял! А это кто?

Л О Р А. Это же Стефано! Который рубил дрова. Стефано, это Арсений! Я тебе рассказывала.

Лора подводит Арсения к Стефано. Стефано, широко улыбаясь, пожимает руку Арсению.

С Т Е Ф А Н О. Итальяно веро! Скуадра адзурра! (Бьет себя в грудь). Тиффози!
(Скандирует.) Бу-фон! Бу-фон! Сан-Ремо – баста, баста! Славянский базар – браво, браво!
Пицца, граппа – ди брутто! Фу-фу! Водка и су-точ-ные щи!

А Р С Е Н И Й (растерянно). Сан Ремо тоже ничего... (Лоре.) Я провожу Стефано в комнату для гостей. А то он заблудился. Переведи ему.

С Т Е Ф А Н О. Парло руссо! (Указывает на кровать.) Вы отдыхать, вы мне не мешать, прэго, пор фаворе!

Л О Р А. Стефано побудет с нами. Ночью ему особенно одиноко. Сильно страдает. Он знает, что мы с тобой, как соседи. (Увлекает Арсения в сторону кровати.)

А Р С Е Н И Й. О, белла донна, жена Стефано, где ты?

Арсений и Лора прилегают на кровать. В этот момент начинает звучать пронзительная песня А. Челентано «Конфесса». Арсений вскакивает.

А Р С Е Н И Й. Он с ума сошел?

Л О Р А. Успокойся! Где твое гостеприимство? Это вообще не Стефано поет, а его тонкая душа! Когда такие переживания, только это спасает! Ты же не хочешь, чтобы у него от любовной тоски нервный срыв случился?

А Р С Е Н И Й (делает примирительный знак Стефано). Пой, Степан. Извини. Я посижу, послушаю.

Арсений сидит на кровати. Лора прилегла. Стефано рядом на стуле. И все трое вслушиваются в звуки завораживающей «Конфессы»: «Почему ты сразу не сказала, что я больше не единственный в твоём сердце? Почему твой звонкий смех и наши вечера теперь в прошлом? Почему нас захлестнула грусть, огромная, как море? Я как горькая сладость на твоём столе. Почему, почему...»

СЦЕНА ПЯТАЯ

Арсений и Лора в машине. Слышен шум автострады. Лора раскрыла конспект и обучает Арсения светскому политесу. Она в нарядном платье, Арсений тоже в парадной «униформе» - сюртуке колонизатора и высоких сафьяновых сапогах.

Л О Р А. Как ты поворачиваешь? Сейчас врежемся! «Могучая кучка»?

А Р С Е Н И Й. Римский-Корсаков, Балакирев, Мусоргский, Бородин.

Л О Р А. И?

Арсений молчит.

Л О Р А. Кюи! Цезарь Антонович. Над «могучкой» еще поработай. «Зеленая лампа»?

А Р С Е Н И Й. Федор Глинка, Трубецкой, Пушкин, Толстой.

Л О Р А. Какой Толстой?

А Р С Е Н И Й. Яков.

Л О Р А. Хорошо. А Лев?

А Р С Е Н И Й. Пахал.

Л О Р А. А Софья Андреевна?

А Р С Е И Й. Шила.

Л О Р А. Что она шила?

А Р С Е Н И Й (дотрагиваясь до своей «атласной рубашонки»). Толстовки.

Л О Р А. Осторожно! Моцарт?

А Р С Е Н И Й. Пил с кем попало.

Л О Р А. Вивальди?

А Р С Е Н И Й. Этот был рыжим! Рыжие рулят! (Напевает популярный мотив из Вивальди.)

Л О Р А. Верди?

А Р С Е Н И Й. Родился в один год с Вагнером.

Л О Р А. Антониони?

А Р С Е Н И Й. Умер в один день с Бергманом.

Л О Р А. Феллини?

А Р С Е Н И Й. Был женат пятьдесят лет и один счастливейший день!

Л О Р А. Данте?

А Р С Е Н И Й. Никогда не был женат на Беатриче, а совсем на другой женщине. И было у них трое детей!

Л О Р А. Осторожно! Лермонтов?

А Р С Е Н И Й. Стрелялся.

Л О Р А. Маяковский?

А Р С Е Н И Й. Застрелился.

Л О Р А. А стоило? Смотри вперед! Обгон запрещен! Ему не стоило этого делать. Видных мужчин всегда не хва-та-ет. Сартр?

А Р С Е Н И Й. Удочерил свою возлюбленную.

Л О Р А. Шопен?

А Р С Е Н И Й. Ухлестывал за дочерью своей возлюбленной.

Л О Р А. Чайковски –и-и-и-и-й? Тормози!

Скрип тормозов, скрежет метала. Вокруг машины Лоры и Арсения останавливаются сразу несколько машин. Так уж случилось, что все водители – женщины, и все они, конечно, Лорины поклонницы.

Г О Л О С А П О К Л О Н Н И Ц. Так я и знала! Мужчина за рулем! Кто им права выдает? Только левый поворот понимают! Ой, девочки, это же Разина! Лора Разина! (Лора улыбается налево и направо.) Я вас утром видела в «Разводе Марии»! Скажите, с кем Мария останется? Я не смогу посмотреть вечернюю серию! Царапина – пустяки! Только водителя поменяйте, с таким опасно! Это не водитель, он актер! Я вспомнила, он жертву играл в сериале про маньяка! Лора, вот здесь, распишитесь, пожалуйста! И на этом журнале, это для моей подруги! Мы вас обожаем! Лора, можно с вами сфотографироваться? Так с кем останется Мария? Я не переживу, если не узнаю!

А Р С Е Н И Й. Со мной! (Лора вздрагивает.) Со мной она останется!

Слышно, как Арсений заводит машину.

А Р С Е Н И Й. Поехали отсюда!

Л О Р А. На чем мы остановились? Чайковский?

А Р С Е Н И Й. Не буду я эту пургу учить! К черту ваши светские беседы! Меня все равно не узнают! И путают с твоим прошлогодним маньяком!

Л О Р А. Усилие и результат часто не совпадают во времени.

А Р С Е Н И Й. Но стимул у меня должен быть?

Л О Р А. Стимул прописан в контракте. И немалый!

Арсений тормозит. Снимает «сюртук колонизатора».

Л О Р А. Эй! Мне понравилось, как ты сказал «со мной».

А Р С Е Н И Й (надевает пиджак обратно). Правда?

Л О Р А. Так что там с Чайковским?

А Р С Е Н И Й. Однажды был женат, несмотря на все, что о нем говорят.

Л О Р А. Молодец. Совсем неплохо.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Ночь. Лора и Арсений спят вальсом. Из окна вновь доносится стук топора.

А Р С Е Н И Й (агрессивно). Дров уже на три зимы! Ты в Италию звонила?

Л О Р А. Может, ты мне... о своих женщинах тоже расскажешь?

А Р С Е Н И Й. Альбомчиком, как у тебя, не обзавелся, там, в папке, можешь рисунки глянуть.

Лора подбегает к папке, раскрывает, рассматривает рисунки (портреты пышнотелой кустодиевской красавицы).

Л О Р А. Ого... (Читает названия картин.) «Афродита в кокошнике», «Афродита с гребнем в распущенных волосах», «Спящая Афродита», «Афродита стирает»... А почему такая толстая? Буфетчица что ли?

А Р С Е Н И Й. Почти угадала. В мясном работает, на углу.

Л О Р А. А, мемуаристка! Жизнь с идиотом...

А Р С Е Н И Й. Лариса, ну, какие мемуары... Я ее с книгой в руках никогда не видел.

Л О Р А. Вырезку носила? Выпивку?

А Р С Е Н И Й. Ты хоть линию похвали...

Л О Р А. Не Модильяни, но если обложить свиной по периметру, как фуд-арт ее точно купят.

Лора, потихоньку от Арсения, фотографирует портрет Афродиты на свой телефон. Пишет записку.

Л О Р А. Вот адрес, отвезешь завтра Стефано к моему психоаналитику.

А Р С Е Н И Й (с надеждой). Психо твой – женщина?

Л О Р А (укоризненно). Для Стефано существует только одна женщина в мире. Его жена!

Арсений, безнадежно махнув рукой, берет записку.

Входит Стефано. Он в такой же пижаме, как Арсений.

С Т Е Ф А Н О. Бона сэра! Береза легко любить, дуб тяжело любить.

Л О Р А (поправляет). Надо говорить «рубить».

А Р С Е Н И Й. Ясен пень. Садись, отдохни.

С Т Е Ф А Н О (присаживаясь на свой стул, Лоре). Я не опоздать?

Л О Р А. Нет, нет! Мы как раз ложимся.

Лора и Арсений прилегают на кровать. Удостоверившись, что слушатели готовы, Стефано подает знак своей музыкальной душе, и магическая «Конфесса» снова включается на всю мощь.

Через некоторое время Арсений не выдерживает, подходит к Стефано, садится рядом. Стефано ему кивает, дескать, не мешаешь. Затем Стефано, отчаянно жестикулируя, начинает комментировать песню и одновременно объясняет Арсению свою мужскую драму. Внешне эта история напоминает немой монолог А.Челентано из старого кинофильма «Блеф», когда герой с помощью жестов передает послание для своей коварной возлюбленной. Арсений так же, жестами, указывая на Лору, спрашивает Стефано об их отношениях. Стефано клянется: никогда, ни-ни! Тогда Арсений неожиданно достает из кармана пижамы бутылку водки. Стефано одобительно кивает. И достает из кармана два пластиковых стаканчика.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Магазин «Продукты». Слышна реклама – «Вниманию покупателей. В отдел мясных полуфабрикатов поступили в продажу котлеты из свинины и баранины, бефстроганов, поджарка, азу и суповые наборы производства Троицкого мясокомбината...» Лора, пытаясь быть неузнанной, топчется у мясного прилавка. На Лоре очки, невзрачный плащ и старушечий платок.

Лора сличает фото картины в своем телефоне и продавщицу.

Г О Л О С 1 П Р О Д А В Ш И Ц Ы. Женщина, что вы приглядываетесь? Говядина свежайшая! Какой вам показать кусок?

Лора указывает пальцем на кусок говядины. Тут же изображает разочарование.

Г О Л О С 1 П Р О Д А В Ш И Ц Ы. Да, там кость! Зато в ней капелька мозга, бабуля!

Г О Л О С 2 П Р О Д А В Ш И Ц Ы. Зина, смотри! Опять твой Арсений на первой странице!

Г О Л О С 1 П Р О Д А В Щ И Ц Ы. А ну-ка...И эта рядом! Звезда несравненная! Видимо, ни с кем и не сравнивали! Известный художник...Ну, все врут! В винном отделе он известный! (Лоре.) Женщина, надумали? Не всю корову покупаете! Ничего, я такую книгу, такие мемуары напишу, Борхес с Кафкой отдыхают! А Мопассан нервно курит в сторонке! Какая-то несчастная кривляка-артистка увела у меня(!) такого мужчину...Увижу, убью!

Лора бросается со всех ног из магазина. И на выходе неожиданно сталкивается с Арсением. Смерив Арсения презрительным взглядом, Лора спешит уйти. Арсений хватает ее за руку.

А Р С Е Н И Й. Это не то, что ты подумала!

Л О Р А (вырывая руку). Мне все равно. Я здесь случайно. Работала над ролью. Вдовы.

А Р С Е Н И Й. Я просто зашел вернуть долг. Занимал, когда денег не было. Не по почте же теперь посылать! Вот! (Предъявляет несколько купюр.) Подожди! Я знаю, что тебе не все равно!

Лора быстро уходит, Арсений за ней.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Италия. Лора и Арсений прогуливаются среди гостей на карнавале. Лора – в образе прекрасной Венецианской Дамы, Арсений – в костюме грустного Пьеро, по щекам которого катятся нарисованные слезы. Лора раскланивается и улыбается во все стороны.

Л О Р А. Улыбайся! Это – карнавал, а не мои похороны!

А Р С Е Н И Й. Как мне улыбаться? Сквозь слезы?

Появляется мужчина в костюме веселого Арлекина (неузнанный Фемистофель). В руках у него длинный зонт. Арлекин смотрит на Арсения вполоборота, их взгляды встречаются. Затем он раскрывает зонт и уходит. У зонтика примечательная, в стиле костюма Арлекина, раскраска.

Л О Р А. Куда ты смотришь? (Поворачивает голову Арсения к себе.) Нежнее держи меня за руку. Изображай влюбленность!

А Р С Е Н И Й. Лора... Мне не надо ничего изображать.

Л О Р А (с иронией). А, ты влюблен? И молчал?

А Р С Е Н И Й. Вот сейчас первый раз сказал.

Л О Р А. Не остри. Зине настучу! Сейчас будут снимать сюжет для телевидения. Вот твоя роль. (Протягивает Арсению листок.)

А Р С Е Н И Й (читает). Прекрасную Даму похищает злой Доктор Смерть. Пьеро пытается ее защитить. Но Доктор бьет его палкой и уводит Даму. Пьеро рыдает. Какой Тарантино это придумал?

Л О Р А. Покажи, как будешь рыдать.

А Р С Е Н И Й. Ну, как? Ой, рано ты померла, моя рыбонька... Вроде не в годах еще...

Л О Р А. Слов нельзя! Только жесты.

Арсений фальшиво рыдает, схватившись за голову.

Л О Р А. Дешево и сердито.

Появляется Доктор Смерть (все тот же Фемистофель) в длинном черном плаще и в устрашающей маске в огромном птичьим клювом. Опирается на палку.

Л О Р А. Внимание!

Лора и Арсений продолжают прогуливаться. Доктор Смерть подходит к ним сзади, хватая Лору за плечо. Она оборачивается, пугается. Доктор Смерть привлекает Лору к себе, обнимает. Арсений отталкивает Доктора.

А Р С Е Н И Й. Э! Ты куда ручонки простер, пингвин старый!

Л О Р А. Слов нельзя!

Доктор Смерть, крепче прижимая к себе Лору, замахивается на Арсения палкой. Удар достигает цели.

А Р С Е Н И Й. Ты вконец обнаглел, пернатый? Я сейчас тебя так ощиплю!

Арсений наносит ответный удар.

Л О Р А. Не смей! Это барон Ротшильд! Спонсор!

А Р С Е Н И Й. Да хоть сам человек-паук!

Доктор Смерть спасается бегством, Арсений его преследует. Лора устремляется за ними. За сценой слышен треск разламывающейся мебели и звон разбитого стекла, «ахи» и визг Лоры. Арсений выбегает на сцену, таща Лору за руку.

А Р С Е Н И Й. Я – художник! Я не буду перед каждым князьком порты сымать! Все слышали? Сколько можно?! Долой олигархов Медичи, на которых пахали Микеланджело и Рафаэль! Я за ее любовь жизнь отдам, слышало, телевидение?

Арсений подхватывает Лору на руки и гордо уносит.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Москва. Лора и Арсений впервые просыпаются в объятиях друг друга.

Л О Р А (нежно дотрагивается до лица Арсения). Ты будешь Арсений Восьмой. Красивый. Только – те-с-с, и чтобы не было скандалов, умоляю.

А Р С Е Н И Й. Ну, теперь-то с чего им быть?

Л О Р А (потягивается). И Стефано больше не слышно. Я говорила, с первого сеанса будет результат.

А Р С Е Н И Й. Я его не к психологу водил. А к Танюське.

Л О Р А. Какой Танюське?

А Р С Е Н И Й. Своей ... хорошей знакомой. Медсестра в прошлом. В Италию часто ездит, за товаром, от мужа палатка на рынке досталась, его осудили за растрату, он теперь под психа косит, второй муж тоже с тараканами, она его выгнала, деньги нужны... В общем, у нее со Стефано схожая проблема.

Л О Р А (ахнув). И Стефано был согласен?

Неожиданно входит Стефано. Присаживается на свой стул.

С Т Е Ф А Н О. Бонджорно! Береза много, дуб много, дрова больше хватит!

Л О Р А. Стефано, пэр фаворэ, на два слова...

Лора увлекает Стефано за сцену. Вскоре там разгорается скандал, причем оба участника говорят так быстро и с таким темпераментом, что нельзя разобрать ни единого слова. Пожалуй, женский голос с криками «идиото» все же побеждает.

А Р С Е Н И Й (в зал, переводит). Говорят по-итальянски.

Входит Лора с милой улыбкой, будто все, что произошло в соседней комнате, ее не касается. Приникает к Арсеню.

Л О Р А. Стефано решил простить свою жену.

А Р С Е Н И Й. Слушай, а давай махнем на все, купим домик под Саратовом, переедем туда...

Л О Р А (качая головой). Это уже долгосрочные планы. Не забывай, нам отпущено всего год.

А Р С Е Н И Й (в ужасе, что так мало). Всего го-о-о-о-д?!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Любовное гнездышко актрисы и художника. Лора (она со съемок) вбегает в комнату с большим чемоданом. За ней вбегает Арсений в шапочке для плавания. К шапочке прикреплено несколько прищепок. Из одежды на нем только большое банное полотенце. Лора впопыхах бросает в чемодан вещи Арсения – одежду, сапоги, книги.

А Р С Е Н И Й. Лорик, это работа! Сцепи-специфика такая! Девчонки пришли позировать!

Л О Р А. А в ванной они что делали? Белье вешали?

А Р С Е Н И Й. Так они же чемпионки по синхронному плаванию! Поэтому у них прищепки на носу!

Л О Р А. В групповых упражнениях? А тренер зачем разделся?

А Р С Е Н И Й. Я халат как раз рабочий надевал! Лорик, я не могу так по улице, я гол и бос! Я наг!

Л О Р А. Ничего! Впредь будешь более умн!

А Р С Е Н И Й. А если полотенце упадет? Там дети на улице!

Лора хватает поясок от своего халата, подпоясывает Арсения на «бантик». Бант получился на боку.

А Р С Е Н И Й. Ну, не сбоку же! Лорик, я не уйду! Я тоже здесь живу! По контракту!

Л О Р А. Поторопись, а то подвал твой бомжи займут!

А Р С Е Н И Й. Так. Ты, я вижу, по-взрослому поругаться хочешь? (Набирает побольше воздуха.) Забыла, кем была до меня? (Пауза. От вопиющей наглости Лора только беззвучно шевелит губами.) Все твои прихлебалы просто наживались на тебе, им наплевать, что ты катастрофически стареешь! Никак в толк не возьму, сколько тебе лет вообще?

Л О Р А (выбрасывает чемодан Арсения из комнаты). Не смей порочить моё окружение! Не смей касаться моих проблемных зон! Не смей осквернять мои материнские чувства! (Хватает папку с портретами Афродиты и тоже швыряет.)

А Р С Е Н И Й. Да какая ты мать? Ты кукушка! (Приближается к Лоре с угрожающим видом.)

Л О Р А. Не подходи! Не подходи ко мне!

А Р С Е Н И Й. Меня выставляешь, а сама?

Л О Р А. Одна не останусь, не волнуйся! Сегодня же ко мне придет тонкий, душевный, интеллигентный мужчина-зонтик!

А Р С Е Н И Й (наступая). Понятно. А если я сделаю так, что дождя не будет?

Л О Р А (пятится к двери). Арсений, не надо...

А Р С Е Н И Й. ...вообще никогда? Ой, не по-людски мы живем!

Л О Р А (еще больше испугавшись). По-людски, по-людски! Это все остальные живут неправильно! Подписались в ЗАГСе на чувство долга и живут! А мы с тобой подписались на любо-о-о-о-о-вь!

Последние слова Лора произносит уже за сценой, срываясь на отчаянный крик. Слышен звон разбитого стекла, что-то падает.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Лора и Арсений лежат в кровати (оба в халатах). Арсений дремлет, а Лора беседует по телефону с дочерью. Голова ее перевязана, как и голова Арсения. На подрамнике - занавешенная картина (портрет Лоры).

Л О Р А. Машуля, послушай, придет время, и я тебе все объясню. Так надо. Мне, мне надо. Да не разбивал он мне голову подрамником... Где ты прочла? В “Дейли Телеграф” в колонке курьезов? (Прикладывает ко лбу мокрое полотенце.) Доченька, они, наверно, перепечатали это из какой-нибудь бульварной газетенки. Утка газетная. Утка, а не шутка. Он вообще не способен поднять руку. (Пауза.) На женщину. (Замечает, что Арсений проснулся.) Завтра перезвоню! Береги себя, девочка, не купайся в Темзе, туда стекала кровь узников Тауэра. Все, целую. Привет Шону.

А Р С Е Н И Й (садится на кровати, трясет перевязанной головой). Кто у нас Шон?

Л О Р А. Так, бездельник. Проматывает родительские денежки. У меня моцион. Глух и нем!

Для успокоения души и нервов Лора посреди комнаты расстилает коврик и начинает выполнять комплекс восточных упражнений типа «ушу», «цигун» и т.д. По ходу разговора она апеллирует к Арсению красноречивыми жестами. Когда Лора сильно наклоняет голову, Арсению приходится тоже пригнуться, чтобы не потерять нить разговора.

А Р С Е Н И Й. А я вот как раз хочу поговорить! Машуля чьи деньги проматывает? Учится восьмой год! Никак бедняжка наукой мене...менеджмента не овладеет. Ты о душе дитяти своего подумай! Своими щедрыми подачками ты только развращаешь ее! Дочку спасать надо, спасать от тебя! Видишь, уже Шона-бездельника себе нашла. Небось, по ба... по пабам так и шастают!

Лора ложится на пол «рыбкой» и плывет, делая широкие круговые движения руками. Арсений пристраивается рядом второй «рыбкой».

А Р С Е Н И Й. Я знаю, что ты подумала! Мою душеньку грешную ты своим заточенным маникюром не цапай! (Решительно встает.) Я скоро к монахам поеду. Посижу месяцок в подвиге и очищусь от вашей скверны! Я покаюсь! (Лора ухмыляется.) А вот сколько раз мне каяться, не твоего бабьего умишка дело!

Л О Р А. Цигун!

А Р С Е Н И Й. Кто?

Л О Р А. Я знаю, что тебя мучит. Конфликт приобретенных психологических установок с инстинктами, заложенными природой.

Арсений на секунду оцепенел от такого диагноза, затем перехватил Лору, которая попыталась выскользнуть из комнаты. Сжал в объятиях.

А Р С Е Н И Й. Так что там с инстинктами? (Лора вырывается.) О-о, мы не в настроении?

Л О Р А. Ты же знаешь, я люблю длинные прелюдии.

А Р С Е Н И Й. Я тебе поставлю Баха!

Л О Р А. Поздно! Эта мне не понравилась.

А Р С Е Н И Й. И что теперь? Шефу настучишь?

Лора дает Арсению пощечину. Вместо ответа Арсений прямо поверх шелкового халата надевает свое старое пальтишко, хватая картину с подрамника и направляется к выходу.

Л О Р А. Куда унес? Это мой портрет!

Лора пытается отобрать портрет, но Арсений жестко останавливает ее.

А Р С Е Н И Й (с угрозой). Порвешь!

Л О Р А. Ладно, бери! Я тут не похожа!

А Р С Е Н И Й. Ничего, через двести лет будешь похожа! (Возвращает картину на подрамник, снимает с нее предохраняющую занавеску. Портрет представляет Лору в шаржированном виде. Арсений берет в руки пастельный мелок.) Вот здесь я припишу: «Известная актриса, хорошо сохранившаяся, еще годная к употреблению!»

Л О Р А (вопит). Не смей! Никакая я не актриса! И у меня есть более ста ролей, чтобы это доказать!

Не посягая более на картину, Арсений уходит. Лора приникает к портрету. Мелодия «Любовного настроения» звучит в ее душе...

Л О Р А. О, ты обезумел! Мой прекрасный, дивный... Ты последняя страница моей жизни! Моя радость, моя гордость, мое блаженство... Если ты покинешь меня хоть на один час,

то я не переживу, сойду с ума, мой изумительный, великолепный, мой повелитель... Пусть, я не стыжусь своей любви к тебе. Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пущу... Ты мой... ты мой. И этот лоб мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои... Ты весь мой. Ты такой талантливый, умный... Ты думаешь, это фимиам? Я льщу? Ну, посмотри мне в глаза... похожа я на лгунью? Как же я хотела сыграть «Чайку»! (Закрывает лицо руками.)

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Спустя двести лет. Портрет Лоры выставлен на всеобщее обозрение. Потомок Арсения с рожками-антеннами на голове читает газету. Точнее, берестяную грамоту. А, может, и стиральную доску. Обут человек будущего в новенькие лапти.

А Р С Е Н И Й (в роли своего потомка). «Новости культуры. Сенсационное открытие ученых-реставраторов в музее Лувра. Оказывается, на картине великого Арсения Восьмого Мужичского «Мона Лора» - это мой прапрадед! - изображена вовсе не малоизвестная актриса, которой, как утверждают некоторые исследователи, одно время был увлечен титан эпохи позднего Мезостоя. Под слоем краски обнаружилась поясняющая подпись, принадлежащая кисти самого Арсения. Интимное прозвище, которым он озаглавил работу, не оставляет сомнений: на портрете другая возлюбленная Арсения, знаменитая писательница Зинаида Мясникова, которую связывали с ним многолетние отношения. Это прозвище не раз упоминается в дошедшем до нас романе Мясниковой «Жизнь с гением». (Смотрит на картину.) Вкус был у дедули... Где тут каноническая красота? Два глаза... Так, а самого главного не пишут! Интимное прозвище можно узнать? (Крутит в руках «газету».) Ссылку бы дали... (Обнаруживает ссылку). А-а-а-а... О-о-о-о-о... Ну, предки отжигали... А мы тут от Марс-ТВ оторваться не можем. Веселее надо! Не в двадцать первом веке живем!

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Утро следующего дня. Лора (в платье для выхода) перед зеркалом наносит макияж. Звонит телефон.

Л О Р А (в трубку). Привет, родная. Каким голосом? Маша, у нас все нормально. Ты познакомишься с ним поближе, и от предубеждения не останется и следа. Читала

«Гордость и предубеждение» Джейн Остен? Я тоже не читала. Когда-нибудь, месяцев через семь, я тебе все объясню. Нет, ты родилась недоношенной, потому что твой папа уронил мне чайник на голову.

В дверях появляется Арсений в плаще и в сандалиях на босу ногу. Он виновато топчется, не решаясь пройти.

А Р С Е Н И Й. Лора, я отменил запой!

Л О Р А (Арсению). Ну, проходи... (В трубку). Я перезвоню.

А Р С Е Н И Й (протягивает Лоре сувенир). Это тебе. Я подумал, может, мы потому и ссоримся, что у нас не было этого... сердечного периода... когда подарочки разные...

Л О Р А (рассматривает). Сердечки... Из пенопласта...

А Р С Е Н И Й. Из алебастра!

Л О Р А (пытается рассоединить сердечки). Не разорвать!

А Р С Е Н И Й. Я их титановой проволокой прикрутил. Прости... я опять сорвался.

Л О Р А. Пустяки. Вокруг меня всегда были люди, знаменитые несносными характерами.

А Р С Е Н И Й. Нет, ты придумай мне наказание! Ты ведь старше меня на треть альбома. (Лора меняется в лице. Арсений пытается исправить положение.) Младше!

Л О Р А. Ты уже придумал. Как потеплеет, в монастырь. Схоронишься в скиту...

А Р С Е Н И Й. Нет, я сейчас хочу, я требую!

Л О Р А. У меня актерский тренинг. Ты мешаешь.

Лора упражняется в мимике, разминает язык, двигает глазами, пританцовывает, делает вдохи-выдохи, внезапно хохочет и т.д.

А Р С Е Н И Й. Хочешь, из окна сигану?

Л О Р А. Нет, лучше полезай под стол и три раза громко выкрикни фразу, которая с утра вертится у тебя в мозгу. Любую! И трижды сплюнь через левое плечо.

Арсений забирается под туалетный столик, и там стихает, положив голову на пушистые Лорины тапочки.

Л О Р А. Эй, ты там не заснул?

А Р С Е Н И Й (прокашлявшись). Лучше не долить, чем разбавить, лучше не долить, чем разбавить, лучше не долить, чем разбавить! (Трижды сплевывает.) А наплевано у нас...

Лора протягивает Арсению флакончик духов.

Л О Р А. Чай!

А Р С Е Н И Й. Я и покушать не откажусь! (Лора показывает Арсению язык, якобы в рамках тренинга.) Дай хоть хлеба с сыром, от этого полезного сока все нутро скукожилось. (Лора репетирует смех.) Понял. А где наша филиппинская камелия? Кстати... Я тут все прикидываю... Не сбить ли нам Борисыча с толку? Если он подозревает, что мы с тобой как бы... контракт нарушаем, то я бы мог временно с тайской луной... для отвода глаз...

Лора, продолжая свой тренинг, разрывает сердечки и отшвыривает в сторону.

А Р С Е Н И Й (удовлетворенно). Ревнуешь? (Пританцовывает.) Ес, ес, ес!

Л О Р А. Еще чего!

А Р С Е Н И Й. Не «еще чего», а ты мне еще доплачивать должна за это не предусмотренное преискурантом удовольствие! (Бьет себя в грудь.)

Л О Р А. Это какое же? Ты уточни, пожалуйста.

Арсений сбрасывает плащ, под ним – борцовское трико. Он демонстрирует себя, как культурист на помосте.

А Р С Е Н И Й. Я – красив, я динамичен в своей волосатости! Ничего лишнего! Рука – для захвата, нога – для нашествия! Мне достаточно один день не побриться, и моя щетина вызовет у тебя нервную дрожь одним своим прикосновением. А надбровные дуги? Где ты видела такие выступающие надбровные дуги?

Л О Р А. В зоопарке.

А Р С Е Н И Й. А мой мускулистый торс? Это же анатомический театр! И ты занимаешь самое удобное место в партере.

Л О Р А. Это новая половая ересь, я правильно поняла?

А Р С Е Н И Й. Никакая не ересь! Я видел, как ты трепещешь, когда я ем. Делаешь вид, что занята делами, а сама подсматриваешь. Я – жующий мясо волну тебя куда больше, чем я – подносящий цветочки! Я умею быть стремительным и неумным, когда ты этого хочешь! Небрежным движением, вот так, легко, я расстегиваю верхнюю пуговицу на воротнике, и ты вся замираешь от предвкушения! А мое простое «здравствуй»

совершеннее твоих вымученных монологов! Что ты на меня так смотришь? Мужик поднимается с колен, ясно?

Л О Р А. Точнее, с карачек. Мы тебя потому и выбрали, знали, что на деньги польстишься.

А Р С Е Н И Й. А ты бескорыстно умеешь?

Л О Р А. Да ты понятия не имеешь, что такое любовь!

А Р С Е Н И Й (переходит на серьезный тон). Кстати, про любовь. Не только сердечек-колечек... Ни дома у нас нормального... Денег я не приношу...

Л О Р А (тоже серьезно). Приносишь!

А Р С Е Н И Й (отмахивается). Кто я для тебя? Номер восемь, если надо спросим? У нас вообще не семья.

Л О Р А (дотрагивается до руки Арсения). Все не так... Я докажу тебе. Только нам надо отсюда вырваться. Хотя бы на неделю.

А Р С Е Н И Й. Куда? Как? У тебя все расписано!

Л О Р А. Вот так!

Лора вешает карту мира на видном месте. Кружится с закрытыми глазами, затем вслепую указывает точку на карте. Арсений пытается прочесть название населенного пункта. Ахает в шоке.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Где-то на земле. В свете молний и фотовспышек возникает Лев Борисович. Он говорит сразу по двум телефонам.

Л Е В Б О Р И С О В И Ч (в трубку). Один билет Париж-Саранск. Не надо бизнес-класс. Место в кабине пилотов. Штурман может в салоне отдохнуть. (Возмущенно.) Нет прямого рейса... Послушайте, любезный, вы оплату получили? Небо есть везде! Проложите! И поселить в отель пять звезд. Дорисуйте одну! Три? На завтрак суфле из лангустинов! Какой холодец из черноспинки? Это сам Машков, а не Депардьё! (В другую трубку.) Лора, в чем дело? Какой остров Кука? Какая разница, где съели человека? Всех на работе съедают, его – на острове... (В первую трубку.) Не надо звонить в Мордовские авиалинии! Сразу в агентство «Машина времени», для них триста лет туда-сюда не проблема. Актрису встречайте нанайским переплясом и северным сиянием. Она прочла, что бывает. В справочнике. Я не знаю, где она училась, я знаю, что у вас группа пиротехников простаивает. Поселите в пристройке у рыжей Люси возле автовокзала,

мыться пусть ходит в Мокшу, или что там у вас протекает. Ладно-ладно-прохладно. Да, просила экзотику. Да не убьет она вас, это Йохансон, а не Брежнева. (В другую трубку.) Лорик, ну, вот так все (приставляет руку к горлу), ну, какой остров Бикини? Я не говорил, что ты не можешь себе позволить! (В первую трубку.) Объекты готовы? Пилорама для матриц и кладбище мамонтов? Не нам рассуждать, как сочетается, это фестивальное кино. Нет, если будет лесопилка и скотобойня, Звягинцев заметит. А я говорю, заметит, это вам не Спилберг! Успеете еще выгадать... Все же городу останется! На пилораме не только матрицы можно распиливать, не мне вас учить... (В другую трубку.) Лорик, ну, я же сказал: да, категорическое нет. Причем здесь моя мама? Купи себе духи Фиджи, зачем ехать? Музей людоедства - только через мой труп! (Выключает связь. Себе.) Господи, твоя воля, спасибо, что я - бессмертный!

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Остров в океане. Лора и Арсений в восхищении оглядываются на буколической лужайке. У обоих на головах венки из полевых цветов.

А Р С Е Н И Й. Настоящая рыбацкая хижина! Все думают, мы в отеле «Робинзон», а мы здесь, одни!

Л О Р А (счастливо). Одни!

Лора и Арсений, как юные влюбленные пастух и пастушка, порхают по лужайке. Они то сходятся и трепетно касаются друг друга, то снова разбегаются и кружатся в первобытном радостном танце. Пространство наполняется волшебными звуками флейты, где-то вдалеке отсчитывает года кукушка, щебечут птицы.

А Р С Е Н И Й. Давным-давно, в незапамятные времена...

Л О Р А...когда еще повсюду встречались изумрудные лужайки и резвились беспечные овечки...

А Р С Е Н И Й. ...и не было никаких деревенских трудовых отношений...

Л О Р А...жили-были влюбленные пастух и пастушка.

А Р С Е Н И Й. Они были веселы и беззаботны...

Л О Р А. ...игривы и воздушны...

А Р С Е Н И Й. Вокруг них источали ароматы цветы и травы...

Л О Р А...щебетали разноголосые птицы – ласточки, жаворонки, соловьи...

А Р С Е Н И Й. ...гудели осы и пчелы...

Л О Р А. ...стрекотали цикады и кузнечики...

А Р С Е Н И Й. ...сновали болотные и древесные ящерицы...

Л О Р А. ...и многое, многое другое.

А Р С Е Н И Й. С утра влюбленные пастух и пастушка возлежали на высокое ложе из пахучих трав...

Л О Р А. ...они пили вино из вычурных кубков...

А Р С Е Н И Й. ...улаждали друг друга звуками флейты...

Л О Р А. ...и пели, пели о любви!

А Р С Е Н И Й. Неземной и прекрасной...

Л О Р А. ...как цветок левкоя...

А Р С Е Н И Й. ...свежей и пряной...

Л О Р А. ...как цветущая мята.

А Р С Е Н И Й. И конечно, они не только пели о любви...

Л О Р А. Они любили друг друга!

А Р С Е Н И Й. В предрассветном тумане и в полуденной дымке...

Л О Р А. ...в закатных лучах и в ночной прохладе.

А Р С Е Н И Й. И так продолжалось целую вечность...

Л О Р А. ...пока однажды... влюбленный пастух не спросил свою подругу...

А Р С Е Н И Й. Что там за странная фигура ?

Л О Р А (беспечно). Где? Просто тень...

Звуки античной идиллии смолкают, Арсений и Лора замирают в любовных объятиях.

Крадучись, появляется частный детектив (в этой роли, конечно, вездесущий Фемистофель), вооруженный старинным фотоаппаратом и лорнетом на палочке. Скорее всего, его появление сопровождает главная музыкальная тема из сериала «Шерлок» (BBC), напоминающая дворовую прибалтненную песню.

Ч А С Т Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В (направляет лорнет на парочку влюбленных). Отношения двоих – это тайна. Но не для всех! Если Он стал задерживаться на работе и завел хобби, требующее длительного отсутствия, если Она похудела, похорошела, обновила гардероб, в том числе нижнее белье, если Он записался в тренажерный зал, ведет себя замкнуто или, наоборот, суетливо, если Она излишне ласкова с вами и вернулась из магазина без покупок, если яд подозрений измучил ваше ранимое сердце, и вы интуитивно чувствуете,

что частные детективы могут вам помочь, доверьтесь нам, как своему лечащему врачу! Мы работаем, не привлекая ненужного внимания (роняет осветительный прибор, тут же поднимает его.) Применяя хай-фай аппаратуру! (Фотографирует парочку старым фотоаппаратом со вспышкой и дымом.) Правда может оказаться малоприятной, но неведение и сомнение еще тяжелее. Мы избавим вас от мучений с максимальной деликатностью и тактом! (Прикрывает ногу Лоры подолом платья.) Отслеживание измен на экзотическом отдыхе за границей – наше любимое занятие... (поправляется) наш профиль. Кто владеет информацией, тот владеет миром! Наши цены недоступны, но любовь бесценна! Любите и будьте любимы! Об остальном позаботимся мы, Жучков и партнеры. (Роняет визитную карточку.)

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Лора и Арсений просыпаются у себя дома. Во власти божественной музыки из «Любовного настроения».

Л О Р А. Как трудно найти слова для любви... Вот я... Я точно знаю, что со мной это все уже было и не раз. Но... очень-очень давно и далеко. Это даже как-то называется в медицине.

А Р С Е Н И Й. Ретро... ретроградная амнезия.

Л О Р А. Кто бы мог подумать...

А Р С Е Н И Й. Ты права, как всегда. Я и, правда, никого не любил по-настоящему, просто совершал набеги на различные женские тела. Все было временно, зыбко, как осенние этюды. Схватил на карандаш тонкий женский профиль, полюбовался изгибом плеча разок-другой и... отложил в сторону. А тебя мне совсем не хочется рисовать.

Л О Р А. Кто ж рисует старых уродок?

Лора начинает наносить макияж. Готовится к выходу.

А Р С Е Н И Й. Еще как рисуют! (Спохватившись.) Ой, я такое говорил?

Л О Р А. И не такое...

А Р С Е Н И Й. Глупенькая, ты для меня – самая красивая!

Л О Р А. Правда?

А Р С Е Н И Й. Твои бедра - как у таитянок Гогена.. Живородящие и таинственные. Грудь и руки - Джоконды, глаза - врубельской царевны... Видишь, я пользуюсь чужими

красками, чтобы осязать тебя. У меня нет своего образа тебя, который бы я мог носить с собой, когда ты не рядом. Мне страшно. Я не могу дождаться вечера, чтобы вспомнить, какая ты на самом деле. Но я знаю, что скоро смогу... смогу рассказать тебя своими словами и своими красками. Еще немного подучусь и смогу. Как хорошо, что ты злодейка-лицедейка. В тебе умещается добрый десяток женщин, и я обладаю всеми сразу. Я как в гареме, только никакого послушания. Мужики, кто хочет гарем на дому? (Пауза.) Слыхала? Никому ты, окромя меня, не надобна. По сему держись за меня руками и ногами! Кстати, почему у тебя такие короткие платья? Кого ты хочешь соблазнить?

Л О Р А (голосом комической старухи). Как говаривала великая Мадемуазель Шанель, молодых еще можно убедить закрыть колени, но старух – ни за что!

А Р С Е Н И Й. Опять про старух! Я твой паша Восьмой и я тебе запрещаю о них вспоминать. Только мне этого мало. Любить хочу! До одури. Как первый раз в жизни!

Л О Р А. Как первый раз не стоит. Первый раз мы любим, кого придется, просто из радости любить. Влюбившись второй раз, эгоистично заявляем: хочу, чтобы ты была счастлива или ты был счастлив, но только рядом со мной! Третья любовь всегда трагична. Мы долго не позволяем друг другу уйти, когда она заканчивается. Поэтому четвертая любовь даруется только тем, кто научился ходить по снегу, не оставляя следов...

А Р С Е Н И Й. Ты ведь научишь меня?

Л О Р А. Мы будем долго-долго бродить по снегу, не оставляя следов.

А Р С Е Н И Й. Мне не надо долго. (Торжественно.) Хочу, чтобы ты решилась на пожизненные узы.

Л О Р А. Мне считать это предложением?

А Р С Е Н И Й. Да. Я хочу, чтобы мы были вместе. Всегда.

Л О Р А. К сожалению, только мужчины красиво стареют. Будто патиной покрываются, как бронза.

А Р С Е Н И Й. Зато женщины дольше живут. Мне считать это отказом? (Лора молчит.) Ладно, ничего не говори! Знаешь, когда ты пришла ко мне тогда... в первый раз, я сразу решил: у нас ничего с тобою не будет. А потом почувствовал: не все тело так считает. Не то, не то я говорю... Не ходи сегодня на репетицию.

Л О Р А (смотрит на часы). В двенадцать кулинарное шоу.

А Р С Е Н И Й. Вот! Могла бы дома приготовить этот твой шоколад с орхидеями... а лучше просто обед... солянку... как у людей...

Л О Р А. Со-лян-ку?

А Р С Е Н И Й. Они скоро сами сожрут нас. И не подавятся!

Л О Р А. Кто? Кого ты боишься?

А Р С Е Н И Й. Всех. Друзей. Врагов. Работодателей. Публику. Я задыхаюсь, я уже не понимаю, кто я.

Л О Р А. На этих высотах всегда разреженный воздух.

А Р С Е Н И Й (тоном хозяина). Останься дома! (Лора вздрагивает.) На острове было так хорошо... Нам надо жить не здесь, не в этих стенах! Они нас подслушивают! (Стучит по осветительному прибору, как по микрофону.) Раз, раз, раз, Борисыч, тетеря глухая, ты меня слышишь? Прием! (Надевает бумажный пакет на камеру.) Я знаю, кто у меня ворует тонкую энергию! Так и впивается в мое пересохшее горло!

Л О Р А. Пить надо меньше, пересыхать не будет.

Арсений замечает яркий зонт, хватается за него, раскрывает. Зонт раскрашен в цвета костюма Арлекина.

А Р С Е Н И Й. А это откуда? На фотографии, в альбоме, точно такой же! К тебе приходил мужчина-зонтик?

Л О Р А. У меня сто зонтов.

А Р С Е Н И Й. Значит, не помнишь?

Л О Р А. Послушай, я настраиваюсь перед работой.

А Р С Е Н И Й. Ты тоже послушай. Я уже говорил... Тетка моя, которая под Саратовом живет, письмо прислала. Там дома пустуют. Недорого.

Лора ищет по комнате сумочку.

Л О Р А. Моя сумочка... С золотым вензелем. Ты не видел?

А Р С Е Н И Й. С золотым не видел! Куда я вообще смотрел...

Стукнув по кинокамере, Арсений уходит.

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Арсений разговаривает сам с собой по скайпу. Происходит это так. На расстоянии друг от друга установлены два ноутбука, и Арсений переходит от одного к другому. Так он решает вечную мужскую дилемму – жениться или не жениться.

А Р С Е Н И Й (пишет на компьютере). Она не рвется за меня замуж. Значит, не любит. Или любит не так сильно, как я того достоин. Если мы поженимся, мы не будем счастливы. (Подумав, подписывается.) Арсений, свободный мужчина.

Арсений переходит к другому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет на компьютере.) Ерунда! Только после того, как мы поженились, она полюбила меня по-настоящему. Стала ценить и уважать. Она меня сама стрижет. Шоколад с орхидеями – моя обычная еда. (Себе.) Как подписаться-то? (Пишет.) Арсений, женат три года.

Арсений возвращается к первому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). А что будет дальше? Ты для нее игрушка. Надоест, заведет другую. У нее много лет есть мужчина-зонтик.

Арсений переходит к другому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й. Я не могу надоесть. (Себе.) Почему? (Пишет.) Я – мужчина-мечта. «Зонтика» я о-поз-нал... и о-без-вре-дил.

Арсений возвращается к первому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). А ты знаешь, что орхидей сорок тысяч видов?

Арсений направляется к другому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). Я женат, но не мертв.

Арсений возвращается к первому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). Вот и я об этом! Что ты делаешь в таких случаях?

Арсений направляется к другому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). Пользуюсь главным правом мужчины.

Арсений возвращается к первому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). Хватит темнить! Каким правом?!

Арсений направляется к другому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). Гуляй, но с умом!

Арсений возвращается к первому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). Ты – не умн! (Себе.) Или не умен? (Пишет.) Любящий многих познает женщину, любящий одну – познает любовь! (Резко захлопывает крышку ноутбука.)

Арсений направляется к другому ноутбуку.

А Р С Е Н И Й (пишет). Сам ты глупен! И трус! Не знаешь, как поступить, поступай порядочно! (Резко захлопывает крышку ноутбука.)

В тяжелых раздумьях Арсений сидит между двух ноутбуков, обхватив голову руками. Затем решительно ставит на стол перед собой бутылку коньяка.

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кабинет Льва Борисовича. В центре – картина «Ирисы». Арсений с шефом распивают коньяк, душевно беседуют и даже поют.

А Р С Е Н И Й И Л Е В Б О Р И С О В И Ч (поют).

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На красавицу, возьми!
Мощным взмахом подымает

Он красавицу княжну
И за борт ее бросает
В набежавшую волну.

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Значит, не обижаешься на меня?

АРСЕНИЙ. Честно. Совсем не обижаюсь. Меня самого эта моя «работа» достала. Я мужик, а не...

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Вы нарушили контракт. Уже три пункта. В том числе, самый главный. А что касается Лоры... Она – дорогая женщина. Ни в саратовскую деревню щипать, ни в твой подвал она не переедет.

АРСЕНИЙ. Спорим, переедет?

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Я спорю только на деньги. А у тебя их теперь не будет.

АРСЕНИЙ. Узнать бы только, кто этот «зонтик»... Ты в курсе, что у нее много лет есть тайный воздыхатель?

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Конечно.

АРСЕНИЙ. А она думает, ты фишку не рубишь.

ЛЕВ БОРИСОВИЧ (дружески ударяет Арсения в плечо, приглашая вместе посмеяться). Она думает! Она думает, что антиутопия – это спасательный круг!

АРСЕНИЙ. А ... разве нет?

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Ага. А пилигрим – воспоминания актеров о вчерашней пьянке.

АРСЕНИЙ (хватает Лео за воротник). Лев, скажи, кто он! Умоляю! Я весь телефон ее прочитал-прозвонил! Секретер семнадцатого века рас... неаккуратно вскрыл. Какого-то беднягу возле ворот при... на дуэль вызвал.

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Нет, Арсен. Не могу. Я тоже мужик.

АРСЕНИЙ. Понимаю. (Поднимает рюмку.) Давай за них! За любимых женщин! Слушай, а почему ты не женат?

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Я – однолюб.

АРСЕНИЙ. Ну? А она?

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Она... всегда была несвободна. Для меня.

АРСЕНИЙ. Она тебя динамит полжизни, и ты – весь из себя при деньгах, при этом хрустале-золоте (указывает в сторону полки с призами) - это терпишь? Смысл? Ты ж лучшие годы свои теряешь!

ЛЕВ БОРИСОВИЧ (серьезно). Я не теряю. Каждый день я все делаю для того, чтобы она была счастлива.

АРСЕНИЙ. И ... на этом можно долго тянуть?

ЛЕВ БОРИСОВИЧ. Можно, Арсен, можно.

А Р С Е Н И Й. Ты – человек будущего! Уважаю.

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. А горшки-болванки эти (жест в сторону призов) мне уже давно не нужны. Из-за них я даже ночью, во сне, постоянно что-то достаю, вкладываю, прокручиваю, расплачиваюсь... Хоть бы раз, хоть бы одна народная артистка не требовала французского повара в мордовской деревне...

А Р С Е Н И Й. И ела, прорва, со всеми из одной миски!

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Хоть бы раз, хоть бы кто пришел и сказал: бери, Лев, это твой кусок!

Арсений вконец расчувствовался. Он подходит к своим «Ирисам».

А Р С Е Н И Й. Бери, Лев. Они твои!

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Они и так мои. Ты – хороший парень (похлопывает Арсения по щеке). Я вас с Лорой в рамочку повешу. Выпьем на эшафот.

Арсений и Лев Борисович выпивают.

А Р С Е Н И Й. Слушай, а ты сам не хотел однажды бросить все... махнуть на острова...

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Я хотел еще дальше махнуть. Посмотри туда. (Подводит Арсения к окну.) Вон там, ночью появится раскаленное яблоко. Марс.

А Р С Е Н И Й. О! У тебя же и билеты есть! Или распродал?

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Один берегу. Для себя. (Показывает билет).

А Р С Е Н И Й. Когда стартуешь? (Ищет дату на билете.)

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Не полечу я, Арсен.

А Р С Е Н И Й. Всю жизнь копил-пахал, а теперь не летишь?

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Страшно. Помельчал душой на вредной работе, воспарить не могу... Не могу и боюсь. Что там, как там на этом Марсе, почему пересохли глубокие реки, почему долины не в цвету, а в красной пыли... Если бы знать, если бы знать...

Арсений и Лев Борисович обнимаются, как знаменитые итальянские певцы, и запевают на два голоса философскую песню о невозможности оторваться от грешной земли.

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Дывлюсь я на нэбо...

А Р С Е Н И Й. Та й думку гадаю...

Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Чому я нэ сокил...

А Р С Е Н И Й. Чому нэ летаю...

А Р С Е Н И Й и Л Е В Б О Р И С О В И Ч. Чому мэни, Божэ,
ты крылэць нэ дав? -
Я б зэмлю покынув
и в нэбо злитав!
Я б зэмлю покынув
И в нэбо злитав!

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Съемочная площадка кулинарного шоу. Лора в стильном переднике размешивает шоколадную массу в глубокой миске. На столике – россыпь шоколадных конфет.

Л О Р А. Если вы поссорились с любимым, мир и покой в вашем доме поможет восстановить любимое лакомство Марии-Антуанетты – шоколад с орхидеями. Приготовить его в домашних условиях легко может каждая хозяйка. Берем лепестки золотой малазийской орхидеи... (У Лоры звонит телефон. Она включает связь, при этом делает знак в камеру. В трубку.) Да, Машенька! (Разворачивает конфету, ест.) Я? Нет, ничем особо не занята. Так, деньги на жизнь зарабатываю. Что? Арсений меня бросил, и я под села на шоколад? Поправляюсь на глазах?

К Лоре неожиданно подходит Арсений. В руках коробка скромных конфет.

А Р С Е Н И Й (дотрагиваясь до плеча Лоры). Лорик!

Лора вздрагивает, роняет телефон в миску с шоколадом.

Л О Р А. Что ты наделал! Телефон в шоколад упал!

А Р С Е Н И Й. Я отмою, высушу. (Вытирает салфеткой телефон.) У меня так не раз было: мордой - в шоколад, в шоколад... Лорик, я понял: мы ссоримся, потому что у нас не было этого... шоколадно-конфетного периода! Вот! Попробуй!

Лора открывает коробку, берет конфету. Начинает плакать.

А Р С Е Н И Й. Конечно, они без орхидей, зато на коробке белочка. Почему слезы?

Л О Р А (прижимая конфеты к груди). Я так долго ждала этого периода! (Присматривается к Арсению.) Ты выпил?

А Р С Е Н И Й. Лев нас рассчитал. С ним и выпил. Он все знает. И про остров, и не только.

Л О Р А . И ты молчишь?!

А Р С Е Н И Й. А я и рад! Заживем, наконец, как нормальные люди! А он пускай нас канони-зирует на здоровье. Так он сказал.

Лора пугается.

А Р С Е Н И Й. А что страшного? Ну, снял с довольствия. Не прибудет же он нас, в самом деле! Мы персоны приметные...

Л О Р А. И похороны будут такие же! Мертвые мы стоим дороже!

Лора хватается за телефон. Арсений удерживает ее за руку.

А Р С Е Н И Й. Так! Либо сию же минуту переезжай ко мне...

Л О Р А. В семнадцать метров?

А Р С Е Н И Й. А, это мы уже проходили! Шалаш не по ранжиру?

Высвободив руку, Лора уже набрала номер.

Л О Р А. Я попробую уладить. Лев Борисович? Ну, вы шутник...Я испугалась? Да у меня уже такой затянувшийся творческий подъем, что ничего не страшно. (Прикрывая трубку рукой, объясняет Арсению.) Он пошутил. Хотел нас встряхнуть. (В трубку.) Мне приехать? Конечно, все обсудим. (Интимно смеется.) Что? На улице дождь? Хорошо, я возьму зонтик. Да, который ты подарил.... (поправляется) ...вы подарили.

А Р С Е Н И Й (осененный внезапной догадкой). Что?! (Вырывает телефон из Лориных рук). Вот откуда этот дурацкий пункт в контракте! Это он – твой зонтик? Так ты с ним улаживаешь дела? (В трубку.) Я убью! Я прикончу тебя, летун марсианский! Заводи марсоход, пока не поздно! На Земле я тебя везде найду!

Л О Р А. Полегче! Не спеши топтать человека, благодаря которому у тебя раскупили пятнадцать картин!

А Р С Е Н И Й. Меня раскупают, потому что я делаю хорошую живопись! А твой «меценат любви» на мне, художнике, наживается!

Л О Р А. Почему же тебя раньше покупатели стороной обходили? Если ты его хоть пальцем тронешь...

А Р С Е Н И Й. Ясно. Кончилась, значит, наша «настоящая» любовь? Всем вам ее подавай! Хмельную, игристую, как молодое вино, а чуток отхлебнете, и сразу «ах, я не хочу мешать, ах, мне уже фатит». Именно так! Фатит! Одна фальшь, одни имиджи...

Л О Р А. Фатит.

Арсений уходит.

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

Дом Лоры. Лора раскладывает на кровати одежду Арсения, находит «атласную распашонку», прижимает к груди. Мелодия из «Любовного настроения» погружает ее в воспоминания...

Л О Р А. Непокойно у меня на душе. Скажите, что с моим сыном? Отчего он так скучен и суров? Он целые дни проводит на озере, и я его почти совсем не вижу... Господи, что со мной... почему вдруг Аркадина, я никогда не играла Чехова. Как и Булгакова, Достоевского... Всегда ненавидела играть актрис, актриса в роли актрисы, любящая мать в роли любящей матери... Смешно. У меня нет сына, у меня замечательная дочь, она учится в Англии, мы не виделись лет десять. Нет-нет, прошлым летом мы вместе отдыхали на островах, дочь очень загорела и выглядела такой счастливой. Невыносимо болит в левом боку, и я все чаще вспоминаю свою тетку, перед смертью она завещала мне свой молитвенник. В нем не хватает двух страниц, и теперь я живу в постоянной тревоге. Не могу отделаться от мысли, что на них-то боженька и начертал самое главное... Платье, в котором я пришла поступать в актрисы, мы с мамой сшили из школьной формы. Шили всю ночь, и наутро у меня слегка кружилась голова. Деточка, спросил строгий мужчина в комиссии, вы, как будто, не выспались. Я была рада его человеческому вопросу и честно призналась: смертельно хочется спать. Я уже тогда была уставшей. Все думают, я слегка сумасшедшая. Если бы это было правдой... Просто мне немного скучно. Повседневная жизнь меня угнетает, и я изо всех сил бегу от классических женских занятий. Мне легче выучить роль на китайском, чем как следует выгладить мужскую рубашку (Расправляет распашонку.) Господи, как же я хочу быть моложе! И чтобы доставить себе это ни с чем

не сравнимое удовольствие, приходится все время рисковать. Я, как Прекрасная Дама из группы риска. Мужчины, которых я любила, всегда были красивы и глуповаты. И всегда их холодные глаза вопрошали: ты возьмешь на себя всю ответственность? А те, что любили меня, были слишком умны и мало привлекательны. Едва ли они воспринимали меня всерьез. Почему так происходит? Когда-нибудь наука обязательно этим займется, а пока...пока мне снова приходится рисковать.(Слышен сдавленный крик Арсения.) Он целые дни проводит на озере, я его почти совсем не вижу. Господи, убереги его от дурных поступков, пусть он вернется целым и невредимым. Обещаю: я извлеку еще один бесполезный урок из прошлого. Я обрела его после стольких телесных разлук, я возьму на себя всю ответственность! Если мне отпущено еще лет пять или десять, то половину отними, господи... Но пусть он вернется, пусть он только вернется... Я не торгуюсь, господи, возьми все...

В комнату робко входит Арсений. Лора меняет интонацию на угрожающую.

Л О Р А. Вернулся, мерзавец!

А Р С Е Н И Й. Я вернулся за тобой.

Арсений подходит к Лоре, они нерешительно обнимаются. Затем целуются. Звонит телефон Арсения.

А Р С Е Н И Й (нехотя, в трубку). Фома, ты не мог бы перезвонить, старик... Что? Какой еще суд?

Арсений отходит в сторону, Лора крадется за ним, подслушивает.

А Р С Е Н И Й. Ну, ты прям, Фома неверующий. Говорю тебе, у нас все как у людей. Какие ощущения? Какие положено! Угу... (Смеется.) Ну, ты не хами, полегче, полегче...Что-о-о-о? Занял денег в расчете на суд? Ну, ты жук...А мне какая печаль? Сам занял, сам и выкручивайся!

Арсений замечает Лору и прекращает разговор.

Л О Р А. Какие еще деньги? Вы что меня, в орлянку разыгрываете?

А Р С Е Н И Й. Я все тебе объясню.

Л О Р А. Спасибо, я уже сыта! Ощущения у него, видите ли, какие положено! Ты хоть имеешь представление, какие они полагаются нормальным людям? Книжонку еще накатай про наши ощущения, может, хоть так прославишься, ничтожество! Ты для меня – перевернутая страница! Вон из моей жизни!

А Р С Е Н И Й. Послушай, Лариса, если я еще раз уйду, то больше не вернусь!

Л О Р А. Сделай одолжение! А то сколько ни выгоню, дня не выдержишь, обратно просишься! Свободен, понял?

А Р С Е Н И Й. От чего свободен?

Л О Р А. От всех обязательств! И по контракту и без! Я сама все улажу! Иди и пользуйся своей свободой! Свободой всегда надо злоупотреблять!

А Р С Е Н И Й. Если понадобится, ты знаешь, где меня найти.

Л О Р А. Уж не затем ли, чтобы попросить прощения? Чтобы я искала тебя, нет, ты, верно, спятил! Ни-ког-да! Слышишь ты, никогда великая Лора не унижалась перед вашим братом! Лора Разина сама вернулась к мужчине! Когда такое было? Бред! Решил, что незаменим?! Ни за что!

А Р С Е Н И Й. Нового кандидата присмотрела? Иначе, не рискнула бы меня уволить!

Л О Р А (царственным голосом). Я тебя не увольняю. Я тебя отпускаю. Я отпускаю тебя. (Кричит.) Я тебя отпускаю!

Арсений уходит.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Арсений просыпается в собственной мастерской. Увы, снова с тяжелого похмелья. Кругом отнюдь не творческий беспорядок. Тщетно поискав, чем бы привести себя в чувство, Арсений принимает за случайную газету.

А Р С Е Н И Й (невнятно бубнит, глядя вверх газеты). Не прекращаются аномальные явления в городе Бобылиха. В порыве ревности одна из жительниц отрезала своему супругу-инопланетянину палец, который тут же прирос обратно на глазах изумленных соседей... Восьмилетний школьник развил в себе способность доставать языком кончик уха и дает теперь платные мастер-классы... Известная вампирша Тихонова снова одинока. Миллионы просмотров набрал в Сети ее интимный дневник «Вечер пятницы кусается»... О! Новое увлечение Великой Лоры! После короткого романа с малоизвестным художником Арсением Х.... М...м...м... Ее внимание привлек молодой литовский

баскетболист Арвидас Ш. Рост нового избранника два метра и ... И? (Газета разорвана и Арсений никак не может выяснить, сколько же сантиметров.)

Кто-то открывает дверь. Арсений настораживается. Открывают своим ключом. Конечно, это Лора - такая же несравненная и желанная.

А Р С Е Н И Й. Ну? И где этот твой... Гулливер?

Л О Р А. Да ну их всех... Я тебе наговорила вчера лишнего...

А Р С Е Н И Й. Как . Ты. Себя чувствуешь?

Л О Р А. Не дождешься!

Примирение героев происходит столь же бурно, как и ссора накануне. Так ведут себя не расчетливые «контрактники», а очень и очень не безразличные друг другу люди.

НАТАЛЬЯ ДЕМЧИК

8 906 720 48 44

demchikn@mail.ru